

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова**

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Направление подготовки Журналистика

Кафедра литературной критики и публицистики

**ПРОЕКЦИЯ ЖУРНАЛИСТСКИХ МЕТОДОВ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ (НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г.ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР»)**

Выпускная квалификационная работа
студентки IV курса (гр.407)
очного отделения бакалавриата
Гореловой Ульяны Олеговны

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Кулагина Ольга Львовна

К ЗАЩИТЕ
_____ / _____ /
« ___ » _____ 2023 г.

Зав. Кафедрой
К ЗАЩИТЕ _____ / _____ /
« ___ » _____ 2023 г

Москва — 2023

АННОТАЦИЯ

В выпускной квалификационной работе «Проекция журналистских методов интерпретации на литературные тексты (на материале романа Г.Гессе “Игра в бисер”)» изучена возможность соотнесения философской идеи романа «Игра в бисер» с методологической основой журналистских концепций, связанных с освещением конфликтов. Проведена оценка действий главного героя произведения согласно критериям выбранных медиа теорий и сделаны выводы о соответствии литературно-художественного образа практико-ориентированным рекомендациям.

Выпускная квалификационная работа направлена на то, чтобы проследить концептуальную связь романа Германа Гессе с концепциями, существующими в современной журналистике и оценить возможности влияния литературы на медиа среду.

ABSTRACT

Within the graduation paper «Projection of journalistic methods of interpretation on literary texts (based on the material of the novel by H. Hesse "The Glass Bead Game")» the possibility of correlating the philosophical idea of the novel «The Glass Bead Game» with the methodological basis of journalistic concepts related to the coverage of conflicts is investigated. The evaluation of the actions of the main character of the literary work according to the criteria of the selected media theories was carried out and conclusions were drawn about the compliance of the literary image with practice-oriented recommendations.

The graduation paper is aimed at tracing the conceptual connection of Hermann Hesse's novel with the concepts existing in modern journalism and assessing the possibilities of the influence of literature on the media environment.

Работа написана мною самостоятельно и не содержит неправомерных заимствований.

«__» _____ 2023 г. _____

Оглавление

Введение.....

.....4

Глава 1. Литературные подходы к интерпретации романа

1.1. «Игра в бисер». Общая характеристика объекта исследования....10

1.2. Существующие методы интерпретации.....22

Глава 2. Журналистские концепции анализа текста

2.1. Основные журналистские подходы к освещению конфликтов....33

2.1.1. Теория мирной журналистики.....36

2.1.2. Конструктивная журналистика.....39

2.1.3. Перспективная журналистика.....42

2.1.4. Позитивная журналистика.....43

2.1.5. Журналистика решений.....43

2.2. Практическое применение концепций 45

Глава 3. Интерпретация романа «Игра в бисер» с помощью журналистских методов анализа

3.1. Теоретическая	основа
анализа.....	48
3.2. Анализ по критериям журналистских	
концепций.....	51
3.3. Идеологическая	
основа.....	65
Заключение.....	
.....	70
Библиографический	список.....
.....	73

Введение

Еще с античных времен литература и журналистика были главными площадками для освещения социальных тенденций и общественных проблем, поэтому сохранившиеся за прошедшие века литературные и публицистические произведения по сей день остаются невероятно богатой кладовой советов о том, как преодолевать самые сложные ситуации. Но с началом постмодернистской эпохи грани между публицистическими и художественными стилями стали размываться, следовательно, их комплексное изучение представляется теперь более релевантным. Еще в 60-е годы в Америке была предложена методологическая концепция (медиаэкология), которая рассматривала журналистику и литературу как взаимопроникающие друг в друга области, а медиа – как все, что окружает человека и способно передавать информацию¹. Это позволило в равной степени анализировать, как литературные произведения, так и журналистские публикации и находить взаимосвязь между различными медийными средствами выражения, что в свою очередь способствовало формированию более синтетического образа мира.

Аналогичная тенденция к междисциплинарности прослеживается и в журналистике: примерно в то же время появился и первый комплексный журналистский подход к освещению конфликтов в конструктивном, миротворческом ключе², который впоследствии распространился и множество других теорий (конструктивной, перспективной

---

¹ Маклюэн М. Понимание медиа. М.-Жуковский. 2003. С. 9.

² Galtung J., Ruge M. The Structure of Foreign News, 1965. URL: <https://www.jstor.org/stable/423011?read-now=1&refreqid=excelsior%3Ad85fd1c604e8489e4c9f73e7a7fc6496&seq=21> (дата обращения: 05.03.2023).

журналистики, журналистики решений, позитивных новостей). Все эти концепции применяли социологический метод, особенное внимание уделяя тому, как новости формируют общество, и как журналистика может потенциально влиять на разрешение проблем и конфликтов. При этом ключевые принципы анализа текста, вероятно, были заимствованы медиа теоретиками именно из литературы. Такое синкретичное понимание взаимообусловленности двух сфер творческой деятельности позволяет по-новому взглянуть на литературные произведения прошлого, перенести интеллектуальный опыт в настоящее (что, по мнению Гессе, помогает сохранять культуру и силу духа в кризисные времена). Благодаря построению новых связей между журналистикой и литературой можно будет пересмотреть значение последней и, возможно, даже включить в современный медиа дискурс.

Данное исследование является продолжением вышеописанной традиции. Преследуя **цель** найти концептуальную связь между литературой и журналистикой, оно потенциально способно расширить область исследований медиа среды и способствовать более гармоничному включению в нее литературного наследия. Более того взятый для анализа роман Германа Гессе «Игра в бисер», бесспорно, входит в классику мировой литературы и может быть назван в числе лучших произведений 20 века, несмотря на это русскоязычных статей, посвященных комплексной интерпретации романа не так много, как хотелось бы. Данная работа не только расширяет корпус аналитических работ,

посвященных творчеству Гессе, но и предлагает уникальных подход к его изучению.

Таким образом **объектом** исследования стал роман Германа Гессе «Игра в бисер».

Предметом – концептуальные пересечения идейно-образной системы романа с журналистскими теориями освещения конфликтов.

Цели исследования:

- Доказать соответствие подхода «утопического» героя Гессе к ситуациям идеологических столкновений с другими персонажами романа критериям конструктивных журналистских концепций;
- Определить, к какому результату приводит использование синтетического метода в условиях конфликта;
- Обосновать возможность воплощения образа главного героя романа в современной журналистике.

Задачи:

- Выявить существующие подходы к интерпретации романа «Игра в бисер» и его главного героя;
- Определить основные требования выбранных журналистских концепций к освещению конфликтов;
- Проанализировать роман согласно установленным критериям медиа теорий;

- Понять, в чем заключается единство философской системы произведения и идеологической основы концепций.

На проверку выносится следующая **гипотеза** – утопическая философская система романа «Игра в бисер» имеет концептуальные пересечения с журналистскими теориями, применимыми на практике, так как в их основе лежит одна и та же идея о трансцендентности и приведении антитез в синтез.

Работа строится по следующему **плану**:

В первой главе «Литературные подходы к интерпретации романа» рассмотрены ключевые исследования, посвященные анализу творчества Германа Гессе и его романа «Игра в бисер». В первом параграфе дан обзор творческой биографии писателя, рассмотрено место «Игры в бисер» в контексте его творчества и историко-литературном плане, с опорой на источники определены жанр и проблематика романа. Во втором параграфе весь объем критической литературы был систематизирован согласно превалирующим методам интерпретации романа «Игры в бисер», выявлены основные художественные элементы, интересующие исследователей.

Во второй главе «Журналистские концепции анализа текста» по отдельности рассмотрены все главные медиа подходы к освещению конфликтов. Особое внимание уделено теоретической основе формирования каждой концепции и конкретным рекомендациям по написанию текстов. Выделены примеры осуществления теорий в медиа практике, указаны общие предпосылки и цели всех концепций.

В последней, третьей главе «Интерпретация романа “Игра в бисер” с помощью журналистских методов анализа» проверяется гипотеза исследования путем оценки поведения главного героя романа согласно критериям конструктивных медиа теорий. В первом параграфе приведены обоснования возможности подобного междисциплинарного соотнесения, главной причиной называются общие условия формирования литературного концепта и журналистских подходов. Во втором параграфе произведен непосредственно сам анализ произведения по критериям каждой медиа теории, сделаны выводы о соответствии. Третий параграф содержит ответ на вопросы: «Какая философская система лежит в основе романа Гессе? Как она помогает выполнить все критерии конструктивных медиа теорий?».

И наконец, в заключении сформулированы выводы всего исследования, рассмотрена возможность осуществления утопического замысла Германа Гессе в реальности.

Методология. Для выполнения обозначенных целей и задач в исследовании было использовано несколько различных подходов, а значит, можно говорить о целой методологической системе. Базовым методом стал анализ: с его помощью был рассмотрен свод научных работ, посвященных интерпретации романа и обоснованию конструктивных медиа теорий. Далее с помощью дедукции и классификации были выделены и систематизированы наиболее характерные художественные черты произведения и ключевые критерии концепций. Но основным методом исследования стало аналогическое сравнение романа «Игра в бисер» с журналистскими теориями освещения конфликтов, в

ходе которого также был использован анализ по критериям теорий. На основании полученных данных был произведен синтез двух идеологических концептов (журналистского и литературного), что позволило спрогнозировать их возможное осуществление в современной медиа среде.

Теоретической базой исследования стали статьи, книги и исследования, написанные на русском, английском и немецком языках, которые условно можно поделить на два блока: критические статьи, посвященные анализу творчества Германа Гессе и в отдельности его романа «Игра в бисер»; а также теоретические медиа исследования, целью которых было обосновать и разработать методологию написания конструктивных журналистских материалов о конфликтных ситуациях. Так, среди наиболее важных работ из первого раздела мы можем выделить работы Березиной А. Г.³, Каралашвили Р. Г.⁴, которых можно причислить к основоположникам отечественного гессеведения, а также более поздние статьи русскоязычных (Элькан О.Б.⁵, Хуцишвили Г.Ш.⁶, Гутерман Ю.О.⁷) и иностранных ученых (Hsia A.⁸, Roberts P.⁹, Ziolkowski, T.¹⁰). В то время как анализ

³ Березина А. Герман Гессе [Текст]. Л., 1976. 128 с.

⁴ Каралашвили Р. Философские основы позднего творчества Германа Гессе. Тбилиси, 1971. 32 с.

⁵ Элькан О. Репрезентация «И Цзин» в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2017. URL: <file:///C:/Users/%D0%A3%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/repze ntatsiya-i-tszin-v-romane-g-gesse-igra-v-biser.pdf> (дата обращения: 02.04.2023)

⁶ Хуцишвили Г. Идея метакультуры в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Философские науки. 1988. № 12. С. 43-52. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190408-ideya-metakultury-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 01.03.2023)

⁷ Гутерман Ю. Поэтика романа Г. Гессе «Игра в бисер» в контексте философии буддизма и даосизма. 1999. URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-romana-g-gesse-igra-v-biser-v-kontekste-filosofii-buddizma-i-daosizma> (дата обращения: 29.03.2023)

⁸ Hsia, A. Das esoterische Glasperlenspiel // In V. Michels (Ed.), Materialien zu Hermann Hesse Das Glasperlenspiel. 1974.

⁹ Roberts P. Education, Society, and the Individual: Reflections on the Work of Hermann Hesse // Revue de La Pensée Éducative. 2009. <http://www.jstor.org/stable/23765432> (дата обращения: 27.03.2023)

¹⁰ Ziolkowski, T. Foreword. In: Hesse H. The Glass Bead Game (Magister Ludi). New York: Henry Holt and Co. 1969. URL: <https://www.you-books.com/book/H-Hesse/The-Glass-Bead->

медиа концепций удалось провести после изучения основополагающих статей авторства Йохана Галтунга¹¹, Джейка Линча и Аннабель Макголдрик¹², Кэтрин Гилденстэд и Карен Макинтайр¹³.

Исследование обладает **научно-практической значимостью** для студентов и ученых, которые изучают творчество Гессе и его влияние на современную культуру, а также для тех исследователей, которых интересуют конструктивные медиа концепции и формирование медиа среды. Более того работа может быть важна и для писателей, журналистов, читателей, как участников постоянных процессов цифрового пространства.

[Game](#) (дата обращения: 22.04.2023)

¹¹ Galtung J. The Task of Peace Journalism, 2000. URL: <https://philpapers.org/rec/GALTTO> (дата обращения: 22.04.2023).

¹² Lynch J., McGoldrick A. Peace Journalism, 2014. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.384.7062&rep=rep1&type=pdf#page=265> (дата обращения: 22.04.2023).

¹³ McIntyre K., Gyldensted C. Positive Psychology as a Theoretical Foundation for Constructive Journalism, 2018. URL: <https://journals.uio.no/TJMI/article/view/2403/5102> (дата обращения: 15.04.2023).

Глава 1. Литературные подходы к интерпретации романа.

1.1. «Игра в бисер». Общая характеристика объекта исследования.

Германа Гессе называют главным гуманистом в истории немецкой литературы. В условиях величайших потрясений 20 века, всеобщей атмосферы хаоса, писатель не только сохранил уважение к человеку, но и веру в дух. Циолковский во вступительной статье к американскому изданию «Игры в бисер»¹⁴ сказал, что от простого пацифизма Гессе удалось прийти к трансцендентной идее новой морали, которая снимала противоречия общепринятого противостояния добра и зла и охватывала все крайности жизни. Глубокая философская направленность, темы наставничества, свободы духа, ответственности личности перед историей, интерес к психологии и мотив единства в многообразии, понимание условности антитез отличают все творчество писателя. Причем часто ему удается объединить все эти особенности лишь в одном образе: «Все романы Германа Гессе объединяет тема “пути внутрь”, пройдя который, человек осознаёт предельные основания своего бытия, свои внутренние хаос и космос, постоянно борющихся зверя и человека в себе»¹⁵.

Герман Гессе воспитывался буквально на стыке двух культур и впоследствии отчаянно не вписывался в строго регулируемые общественные учреждения – ему будто бы

---

¹⁴ Ziolkowski T. Указ. соч.

¹⁵ Руденская А. Образы китайской культуры в романе Германа Гессе «Игра в бисер». // Востоковедение: история и методология. 2021. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49326950_73467690.pdf (дата обращения: 01.03.2023)

суждено было прийти к выходящему за рамки мышлению и поиску всеобщей гармонии. Уже с детства будущий писатель столкнулся с влиянием двух, казалось бы, противоположных мировоззрений, которые, однако, гармонично объединялись под крышей родительского дома. История семьи Гессе тесно была связана с индийской культурой (его дед, доктор Герман Гундерт, был известным санскритистом, в Индии же родилась и его дочь, мать Германа Гессе), но в то же время никогда не изменяла европейским традициям, поскольку на Восток они отправлялись как миссионеры. Так, в воспоминаниях писателя навсегда остался запах благовоний, красочные элементы интерьера и таинственные звуки неведомых языков, которыми было наполнено его детство. Примерно те же образы Гессе создавал и на страницах своих первых литературных произведений. С 1914 года эта атмосфера легкости пропала. Это отражается в системе периодизации творчества писателя, которую в своей диссертации приводит Каралашвили: «различаем три основных периода: 1-ый – 1889-1915. Этот период характеризуется чисто эмоциональным отрицанием действительности и тщетными поисками гармонических форм существования в пределах буржуазной идеологии. 2-ой – 1916-1927, отличающийся внутренним драматизмом произведений и радикальным отрицанием капитализма. В творческой манере писателя начинает преобладать тенденция к передаче душевных переживаний героя. 3-ий «классический» период – 1928-1962. В эти годы Гессе преодолевает внутренний кризис, а также односторонность и “дисгармоничность” своего творчества и развивается в писателя-реалиста, воспевающего

мировую гармонию, природу и человека»¹⁶. И рубежом между первым периодом и поздним творчеством Гессе он называет именно Первую мировую войну. Хотя Гюнтер Бауманн выделяет и еще одно значительное событие в биографии писателя – поездку в Индию, которая по мнению исследователя, и «окончательно превратила его в великого гуманиста и духовного гражданина мира»¹⁷, и вдохновила его на поиск того объединяющего начала, которое бы не зависело от этнических, религиозных различий или политических конфликтов. Однако первостепенное значение влияния индийской культуры оспаривают другие исследователи: известно, что путешествие Гессе пришлось прервать по причине болезни, так что до центра страны он так и не добрался и полностью цель поездки не выполнил. Возможно, это в свою очередь подтолкнуло писателя к расширению сферы философских поисков.

Так Каралашвили среди источников, оказавших влияние на формирование мировоззрения Гессе выделяет философию Китая, Индии, работы Гёте, музыкальные сочинения немецких композиторов, а также фигуры Сёрена Кьеркегора и Якоба Буркхардта. Из китайской философии писатель прежде всего вынес представление о символе взаимосвязи противоположностей – Инь и Ян; из древнеиндийской мысли – схожее в своей основе учение об Атмане и Брахмане, поиске «самого самого», как называл его Лосев¹⁸, которое в произведениях Гессе выразилось через концепцию «Бога во мне». Даосизм дал художественному миру писателя идею

---

¹⁶ Каралашвили Р. Указ соч. С.4.

¹⁷ Baumann Günter. Hermann Hesse und Indien. 2002. URL: <https://hesse.projects.gss.ucsb.edu/papers/baumann-indien.pdf>

¹⁸ Лосев А. Самое само. М., 1994.

служения, Индия – принцип переселения душ (который, судя по некоторым письмам Гессе, он изначально планировал отразить в романе «Игра в бисер»), у Гёте мы найдем похожий образ педагогической провинции, музыка же буквально пронизывает тексты писателя. Что же касается, Сёрена Кьеркегора и Якоба Буркхардта, то первый, согласно Каралашвили, тоже понимал человека «синтез души и тела, как соотношение, относящееся к самому себе»¹⁹, с той только лишь разницей, что определяющей субстанцией он признавал Бога, в то время как Гессе верил скорее в «мировой дух»; второй же разделял понимание истории, как цикличного и закономерного процесса. Швейцарского историка Якоба Буркхардта даже считают прототипом отца Иакова из «Игры в бисер» (что, кстати, позволяет В.Д. Седельнику заявлять о наличии в романе швейцарской проблематики²⁰). Много споров ведется и вокруг вопроса отношения Германа Гессе к романтизму. Несмотря на то, что Хуцишвили выявляет влияние романтизма Гёте, Шиллера и Новалиса²¹, а Ма Джиан и вовсе утверждает, что Гессе сам «пытался стать романтиком, чтобы продолжить путь к бесконечному, который открыло это литературное направление»²², Березина придерживается мнения, что творчество писателя нельзя рассматривать в отрыве от проблем эпохи 20 века, по отношению к которой романтизм все-таки оставался чем-то уже изобретенным и доведенным до определенного совершенства классиками прошлого²³. Проблематика

---

¹⁹ Каралашвили Р. Указ. соч. С.14.

²⁰ Седельник В. Герман Гессе и швейцарская литература. М., 1970.

²¹ Хуцишвили Г. Указ. соч.

²² Jian Ma. Romantik in Rezensionen von Hermann Hesse. URL: <file:///C:/Users/%D0%A3%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%B0/Downloads/43135-Artikeltext-138825-1-10-20171130.pdf>

²³ Березина А. Указ. соч.

произведений Германа Гессе близка актуальным для его времени темам ответственности интеллектуальной интеллигенции перед обществом и влияния культуры на политические события, которые также находят отклик в творчестве Т. Манна, Б. Брехта, Ф. Дюрренматта.

О влиянии различных концепций на формирование философской системы внутри произведений Гессе говорить можно еще очень долго, и назвать его опыт психоаналитических сеансов у Карла Юнга или резкое неприятие фашизма, национализма и вообще насилия – все это особенно скажется на его самых последних романах, работа над которыми шла как раз в период условного затишья между двумя мировыми войнами. Писатель сам в себе будто бы воплотил свой идеал гармонизации полярностей и сочетания множества точек зрения, нанизывая на нити своего культурного сознания все новые и новые бусины, собранные по всей бесконечности стран и времен. Но важнее, наверное, не причины, а цель: «писатель пытается в эпоху стандартизации мышления и нивелировки личности создать для отдельного индивидуума некий внутренний базис и опору, пытается оказать на него какое-то воспитующее воздействие»²⁴. Хуцишвили даже утверждает, что появление такого философски настроенного писателя было детерминировано исторически, поскольку критические моменты всегда становятся сильнейшим импульсом развития культуры, и именно писатели, перед пером которых исчезают границы любых понятий и подходов, вносят фундаментальный вклад в развитие гуманистических идей. И несмотря на то, что сам Гессе относил себя скорее к типу

---

²⁴ Каралашвили Р. Указ. соч. С.30

«человека созерцающего» «истинная личность мыслителя проявляется в его работах, которые однажды появившись на свет, продолжают затем жить собственной жизнью»²⁵. Потому как даже самое совершенное духовное начало чтобы выжить, должно адаптироваться к социальным требованиям времени.

И самому писателю тоже пришлось отвечать на многочисленные потрясения истории. Если Первая мировая война стала для Германа Гессе шоком, как и для многих его современников, то дальнейшие события в истории Германии он фактически предугадал. Живя в соседней Швейцарии, он тем не менее улавливал смену общественных настроений в родной стране и высказывал неудовольствие по поводу сложившейся республиканской системы именно из-за ее недостаточного «республиканства». С приходом к власти партии Адольфа Гитлера неприятие немецкой политики писателем стало только сильнее, поэтому, когда ему приходили письма с требованиями исполнить гражданский долг перед родиной, Гессе приходилось фактически отказываться от своей «принадлежности к Германии как «политической нации»²⁶, тем не менее свою литературную деятельность он всегда видел в контексте немецкой культурой. И хоть откровенно политические взгляды писателя никогда не появлялись на страницах его романов, опосредовано все его творения выражали характерное мировоззрение эпохи. И конечно, точнее всего это

---

²⁵ Хуцишвили Г. Указ соч.

²⁶ Гутерман Ю. Указ. соч.

мироощущение периода слома и отчаянного поиска новых идеалов отразилось в «самом значительном произведении писателя, ставшим, по его собственному признанию, конечной целью его жизни и творчества»²⁶ – романе «Игра в бисер».

На работу над произведением у писателя ушло почти 11 лет: с 1931 по 1942. В атмосфере нависшей над Европой грозовой тучи новой войны Гессе создает удивительно гармоничную и светлую книгу. Впервые изданная в «нейтральном Цюрихе в 1943 году»²⁷ она должна была казаться «ненужной, как ювелирное чудо среди окопов»²⁸. Но уже спустя три года она была признана вершиной литературного искусства и удостоена Нобелевской премии. «Игра в бисер» – это роман, устремленный в будущее, но не о будущем. Одни называют его «таинственно-радостным» призывом к пониманию всеобщей взаимосвязанности и глобальной ответственности, другие – зловещим предостережением об опасностях формалистского подхода к культуре и технологической тоталитарности. Стало очевидно, что это не было попыткой Гессе сбежать в мир утопии, но пронизательным откликом на тот водоворот насилия, в который, казалось, угодил весь мир: «это была уникальная и дерзкая попытка абсолютного синтеза, попытка охватить в единой и нерасчленимой картине всю специфику порожденной 20 столетием формы интеллекта, увидеть ее в исторической перспективе и через призму философского осмысления культуры, в котором научное миропонимание играет существенную, но не исчерпывающую роль»²⁸.

²⁷ Аверинцев С. С. Путь Германа Гессе. // Гессе Г. Избранное. М., 1977. URL: <http://www.philology.ru/literature3/averintsev-77.htm> (дата обращения: 19.04.2023).

²⁸ Хуцишвили Р. Указ. соч.

Роман имеет три неравные по объему части, первая и самая большая из них – биография Магистра Игры Йозефа Кнехта, якобы написанная неизвестным биографом спустя сотни лет после его смерти. Две оставшиеся части содержат стихотворения и три жизнеописания, написанные самим главным героем. Страна, в которой живет и служит Кнехт, названа Касталией в честь Касталийского источника на мифологической горе Парнас. Повествование стилизовано под педантичный научный отчет, пристальное внимание уделяющий даже самым незначительным деталям, оттого добраться до философской сути романа может быть сложно, хотя по словам Хуцишвили, она и «лежит на поверхности»²⁸, а точнее выражена в образе главного героя. Будучи воспитан в мире отгородившихся от всех интеллектуалов, которые целью своей жизни и своего Ордена видят сохранение культурного наследия от пагубного влияния капиталистического и материалистического сознания, Йозеф Кнехт становится не просто лучшим представителем Касталии, но и вырастает за пределы ее ограниченных идеалов. Он выбирает оставить провинцию и свою должность Магистра Игры и отправиться в мир. Образ Кнехта изначально очень дуален, поэтому его духовный рост раскрывается через целую плеяду антитез, которые, однако, не приводят его к отрицанию какого-то одного из полюсов, но к возможности синтеза обоих. А потому, как спрашивал А.В. Михайлов, спросим и мы: «не в этой ли обобщенности книги, не в этой ли ее “всечеловечности”, не в этой ли таинственной зашифрованности ее ответов на самые острые вопросы современной человеческой истории — причина того, что эта

книга, а вслед за нею и другие книги Гессе до сих пор не то чтобы сохраняли свежесть и новизну, но что они вообще читаются как написанные для “нас” и глубоко затрагивают сознание?»²⁹

И если в вопросе о причинах актуальности «Игры в бисер» исследователи сходятся во взглядах, то вокруг его жанровой принадлежности разгорается множество споров. Н.С. Лейтес называет произведение философским романом с чертами «культурно-философского утопизма»³⁰, Т.В. Терехова относит «Игру в бисер» к жанру интеллектуального романа³¹, О.Б. Элькан – к роману-становлению³², Ю.О. Гутерман выделяет черты романа-воспитания и утопии³³, а Р.Г. Каралашвили считает произведение Гессе наиболее наглядным примером субъективного романа³⁴. По его мнению, среди отличительных черт гессевского романа можно отметить романтизм, исповедальную традицию европейской литературы, герметичное пространство, где удобнее следить за внутренним ростом души героя, идею полярности, диалектичность, процесс поиска гармонии между противоположностями, спиральное развитие сюжета, освобождение героя от времени в финале. А вот Е. Маркович и вовсе заявляет, что «название “роман” применимо к “Игре

---

²⁹ Михайлов А. В. Мир Германа Гессе // Литературное обозрение, 1986. №5. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190408-mir-germana-gesse> (дата обращения: 17.04.2023)

³⁰ Лейтес Н. Эволюция жанра роман в немецкой литературе 1918-1945 гг: автореф. ... докт. фил. наук. -Тб., 1972. С.29.

³¹ Терехова Т. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х - 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол наук. М., 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/problematika-i-osobennosti-poetiki-rannego-tvorchestva-germana-gesse-1890-kh-1920-kh-godov> (дата обращения: 02.04.2023)

³² Элькан О. Указ соч.

³³ Гутерман Ю. Указ. соч.

³⁴ Каралашвили Р. Проблемы поэтики Г. Гессе: К типологии немецкого романа XX в: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1983.

в бисер” весьма условно»³⁵, так как произведение сочетает в себе сразу несколько жанровых форм «и политический памфлет, и историческое сочинение, вставные стихи и новеллы, легенду и житие, немецкий роман о воспитании», хотя большинство из них Гессе использует для построения иронии»³⁵.

Есть в критической традиции и довольно многочисленная группа сторонников «антиутопичного» взгляда. Интересно, что в иностранной научной литературе работы, развенчивающие утопические идеалы Касталии, встречаются гораздо чаще: здесь можно выделить статьи О. Дуррани³⁶, П. Робертса³⁷, Т. Циолковского³⁸, Л. Уайльда³⁹, В. Науманна⁴⁰, в то время как среди русскоязычных исследователей подобная тема освещалась только в работах Г.Ш. Хуцишвили и Н.В. Бороденко (можно предположить, что положение вещей объясняется общественно-политическим бэкграундом).

Итак, Бороденко относит «Игру в бисер» к жанру антиутопии и, вероятно, вслед за Антосиком и Робертсом находит общие черты между художественным миром романа и изолированной компьютерной реальностью: «“Компьютер” Гессе вращается в мире Касталии как регулятор и контролер отношений в обществе, основанном на безымянности его

---

³⁵ Маркович Е. Герман Гессе и его роман «Игра в бисер». М., 1969. URL: <https://coollib.com/b/543668/readp?p=12&cnt=9000> (дата обращения: 07.05.2023)

³⁶ Durrani O. Hermann Hesse's Castalia: Republic of scholars or police state? // Modern Language Review. 1982. URL: <https://www.jstor.org/stable/3728073?read-now=1&seq=15> (дата обращения: 11.03.2023)

³⁷ Roberts P. Указ. соч.

³⁸ Ziolkowski T. Указ. соч.

³⁹ Wilde L. The Radical Appeal of Hermann Hesse's Alternative Community // Utopian Studies. 1999. URL: https://www.jstor.org/stable/20718010?readnow=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 07.05.2023)

⁴⁰ Naumann Walter. The Individual and Society in the Work of Hermann Hesse // Monatshefte, 1949. URL: https://www.jstor.org/stable/30164782?readnow=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 10.04.2023)

членов, поклоняющихся и участвующих в Игре в бисер»⁴¹. Строгая иерархичная система Ордена, по мнению исследовательницы, требует от каждого адепта отречения от индивидуальности, превращения в коллективную личность, что является характерной чертой мира антиутопии. А вот Дуррани понимает художественное пространство романа более многопланово, выделяя сразу три измерения: утопичное государство, изображенное в самом начале романа, Александрийскую республику эстетизма, на которую нападает в своем послании Кнехт, и более сбалансированный синтез жизни и духа, отраженный в образе рассказчика. Важно отметить, что во времена, когда создается биография Кнехта, судя по всему, мало что изменилось, и значит, пример героя не вызвал каких-то преобразований. Но ведь *Magister Ludi* и сам это предвидел. Получается, что его нельзя назвать антиутопичным героем в полном смысле: он не борется с системой, но предсказывает, что ей и так суждено погибнуть, о чем он даже сожалеет. Йозеф Кнехт не призывает к революции, но к изменениям, маленьким шагам индивидуума вслед за потребностями времени. Однако Бороденко использует другую трактовку: для нее путь Кнехта – это путь вопреки, вопреки процессу «нивелирования личности»⁴², и «очищения от человеческих примесей»⁴², через который неизбежно проходили все члены Ордена в процессе обучения.

---

⁴¹ Бороденко. Н. Символика игры в бисер в новых контекстах романа Г. Гессе «Игра в бисер». 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-igry-v-biser-v-novyh-kontekstah-romana-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 13.04.2023)

⁴² Бороденко Н.В. Совершенный герой Г.Гессе в литературных контекстах // Евразийский союз ученых. 2015. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27207964_43200356.pdf (дата обращения: 02.03.2023)

Аргументация другого сторонника антиутопичного подхода, Хуцишвили, строится прежде всего на роли иронии: «Ирония Гессе — сложное и противоречивое отношение мыслителя к своему детищу, отражающее тот внутренний кризис, который наступает тогда, когда, построив модель идеального мира, отчетливо видишь всю непрочность построенного, всю неочевидность его ценности для человечества»⁴³. Об этой стилистической фигуре как о смыслообразующем элементе романа писали также Сыроватская и Циолковский, отмечая, что первым ироничность «Игры в бисер» заметил сам Томас Манн. Самыми яркими примерами ее проявления можно назвать особый стиль повествования в первых главах, где отчетливо улавливается самодовольство касталийского биографа, а также зашифрованные имена, наличие которых позволяет проводить параллели с реальными историческими персонажами и разгадывать подтекст. Тем не менее Хуцишвили использует очень сильные метафоры, называя общественную структуру Касталии «сковывающей догмой»⁴⁴, «колонией хранителей культуры»⁴⁴, «злой экстраполяцией современной автору культуры в будущее»⁴⁴. Орден не спасает искусство от маргинализации, но прибегает к методу формализма, что в свою очередь приводит к вырождению цивилизации. И, если припомнить, что некоторые касталийские ученые действительно всю свою жизнь посвящали переводам египетских текстов на греческий, или сравнению гороскопов Спинозы и Гете, а после их смерти никто даже не мог продолжить их труды, потому что скорее

---

⁴³ Хуцишвили Г. Указ. соч.

⁴⁴ Хуцишвили Г. Указ. соч.

всего никто их и не читал, то ирония Гессе в отношении созданного им мира действительно становится ясна. Хуцишвили даже находит для него точный современный образ – метакультуру, под которой, следует понимать «искусственно создаваемую систему культуры, внешнюю по отношению к некоторой другой системе культуры и имеющую целью построение специфических средств по оценке и описанию этой другой культуры»⁴⁴. Именно поэтому, по мнению исследователя, Кнехт неизбежно должен был погибнуть, решив покинуть границы педагогической провинции, – являясь порождением мира чистой интеллектуальности, он не может выдержать испытания реальностью, доказывая мнимость идеи сепарированной от жизни науки. Однако данная позиция кажется несостоятельной по причине того, что и в Трех Жизнях (в последней части романа) в финале повторяется тот же мотив прерванной смертью жизни, но продолжающейся в будущем в чем-то другом. Учитывая отмеченный Циолковским изначальный замысел Гессе создать историю человека «который переживает в череде перерождений великие эпохи в истории человечества»⁴⁵ и показать «индивидуальную, но надвременную жизнь», смысл гибели Кнехта вряд ли заключался лишь в том, чтобы доказать оторванность и иллюзорность касталийского образа жизни. Более того, как пишет Маркович, «Кнехт погибает ради того, чтобы могла существовать Касталия – страна разума и духовности»⁴⁶. Да и сам Гессе в одном из писем заявлял, что смерть Йозефа прежде всего была важна для него, как катализатор

---

⁴⁵ Ziolkowski T. Указ. соч.

⁴⁶ Маркович Е. Указ. соч.

пробуждения его ученика Тито: глубокое потрясение которое он испытал и есть то самое продолжение жизни Кнехта и его духовных открытий.

В процессе анализа тоталитарной системы Ордена, Дуррани отмечает еще одного великого касталийца – Магистра Музыки, который на самом деле тоже вполне может быть охарактеризован, как положительный пример мировоззрения педагогической провинции. Однако несмотря даже на всю «святость» этого персонажа, нельзя не отметить и его наивность, и добровольную слепоту в отношении будущего Касталии или его склонность к nepoтизму, которую он особенно проявляет в сторону Кнехта. А главное, несмотря на то, что Магистр понимает, что истину надо искать в жизни, а не в книгах и лекциях (чему и учит своего юного ученика, призывая слушать и слышать музыку), все же свою задачу как ученого он видит прежде всего в том, чтобы сохранить то, что уже есть, и передать это другим, но о создании чего-то нового не может даже помыслить. В этом смысле он остается на том же уровне, что и остальные жители Касталии, в отличие от Кнехта, сознающего пользу творческого риска, неудобных вопросов, которые заставляют выйти из области данного на поиски незнакомого. Ведь образовательная система провинции тоже далека от идеала с ее методами «отсеивания» неподошедших учеников и унижением неуспевающих, что в итоге выливается в отрицание и подавление сексуальности и даже гомосексуализм (намек на который Дуррани делает вслед за Томасом Манном). И более того, как отмечает Робертс,

именно образование играет ключевую роль в выстраивании особых отношений личности и Ордена.

Интересно, что медитацию Дуррани сравнивает с «курением или алкоголизмом»⁴⁷, которые помогают не решать проблемы, а скорее сбегать от них, то есть являются своего рода лекарством от любых сомнений. Но все же ученый не называет «Игру в бисер» антиутопией, а скорее «сатирой на современное полицейское государство»⁴⁷ – фашистскую Германию.

В любом случае если Касталию действительно можно назвать антиутопичным государством, то считать самого Кнехта борцом против ее системы – никак нельзя. Магистр Игры – служитель человечества, раб и господин в одном лице, он подчиняется, не потому что его индивидуальность нивелирована системой, но потому что она у него в избытке. Он и сам мечтал объяснить членам Воспитательной Коллегии, что «произвол его действий есть на самом деле не что иное, как служение и покорность, и он идет навстречу не свободе, а новым, неизвестным и тревожным обязательствам»⁴⁸. Его судьба снимает противоречия между Касталией и внешним миром, а вовсе не подчеркивает их несовместимость. В этом плане он как бы вбирает в себя всех остальных персонажей романа, становясь объединяющей сверхличностью: «Йозеф Кнехт уже не просто Кнехт, но также и в определенном смысле Магистр Музыки, Плинио Дезиньори, отец Иаков, Фриц Тегуляриус и многие другие. Эти люди оставили глубокий след на жизни Йозефа: они во многом сделали его тем уникальным касталийцем, каков он

---

⁴⁷ Durrani, O. Указ. соч.

⁴⁸ Роман Гессе цит. по: Гессе Г. Игра в бисер / пер. с нем. Апт С. М.: АСТ, 2016. 510 с.
URL: https://librebook.me/the_glass_bead_game (дата обращения: 07.05.2023)

есть»⁴⁹. Оставаясь истинным слугой общества и никогда не избегая обязанностей, Кнехт тем не менее открывает для куда более глубокий смысл свободы – возможность бесконечного процесса познания и внутреннего развития. В конце концов и из провинции он уходит, потому что больше не чувствует радости от Игры, и этим только подтверждается тот факт, что Касталия не утопия. Герман Гессе прекрасно понимает, что абсолютно идеальное государство невозможно, а потому ответственность за абсолютность он перекладывает на личность. Березина писала, что «образ Кнехта можно рассматривать как идеальный»⁵⁰, так что если в романе «Игра в бисер» и есть утопия, то это его главный герой, Йозеф Кнехт. Человек-утопия.

1.2. Существующие подходы к интерпретации

Так как в данной работе мы собираемся предложить новый подход к интерпретации романа «Игра в бисер», необходимо разобраться, какие методы анализа уже применялись и на какие элементы произведения ученые обращали внимание в своих исследованиях. Как уже отмечалось, «Игра в бисер» считается не только лучшим произведением в наследии Германа Гессе, но и одним из влиятельнейших романов 20 века, поэтому неудивительно, что за 80 лет своего существования он привлек внимание стольких ученых. Однако в богатой традиции критических исследований «Игры в бисер» все же есть несколько наиболее распространенных направлений анализа.

---

⁴⁹ Roberts P. Указ. соч.

⁵⁰ Березина А. Указ. соч. С. 117.

Например, сама идея придуманной Гессе Игры в бисер интересует большое количество филологов. Ведь писатель действительно ограничился лишь общей характеристикой сути этих интеллектуальных упражнений, но детально не описал процесс ни разу. Что как раз и отмечает А.А. Бабилова, рассматривая концептуальную составляющую Игры в бисер и понятийный слой концепта. Из-за отсутствия четко проработанной структуры и свода правил суть игры следует улавливать скорее в «предметно-чувственном слое»⁵¹, который подается через сравнения. Так Гессе, характеризуя интеллектуальный процесс поиска культурных взаимосвязей, использует образы «игры красок на палитре художника»⁵², «сложных комбинаций органных клавиш»⁵², «перебирания бусин»⁵². По мнению И.В. Чепуриной, фигура Пифагора присутствует в тексте тоже не просто так – в ней как бы воплощено представление об игроке, ученом-энциклопедисте, который все мудрости мира объединяет внутри себя, так что в нужную минуту оказывается способен выудить нужный научно-художественный принцип для продолжения цепочки аналогий.

Возможно, что отсутствие конкретных описаний правил Игры должно было, по мысли Гессе, помочь читателям только лучше понять саму идею процесса, его «образность, собирательный характер и метафоричность воплощения»⁵³. Как отмечает Хуцишвили, те самые художественные приемы,

---

⁵¹ Бабилова А. Особенности понятийного, образного и ценностного компонентов концепта *Das Spiel*/Игра в романе Германа Гессе «*Das Glasperlenspiel*»/«Игра в бисер» // Филологический аспект. 2019. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-ponyatijnogo-obraznogo-i-tsennostnogo-komponentov-kontsepta-das-spiel/igra-v-romane-germana-gesse-das-glasperlenspiel/igra-v-biser.html> (дата обращения: 27.03.2023)

⁵² Бабилова А. Указ. соч.

⁵³ Хуцишвили Г. Указ. соч.

использованные писателем для описания Игры («ассоциации, аналогии, логическая аподиктика и апоретика»⁵³), должны использоваться и героями-игроками, поскольку церемония эта глубоко символична. Интересна поэтому работа китайско-немецкого филолога Адриана Хсийи, который анализирует Игру как своеобразную языковую систему. Так, по его мнению, Игру в бисер нельзя сравнивать с европейскими «алфавитными» языками – намного ближе ей восточные аналитические языки, подобные китайскому, в которых используются идеограммы, способные менять свой смысл в зависимости от контекста (или интонации). «Знак не имеет конкретных границ и может использоваться как существительное, прилагательное, наречие или даже как глагол»⁵⁴, – так и касталийцы могут использовать различные грани символов и образов, как бы мысленно поворачивая их той стороной, которая необходима им для конкретной символической цепочки, формируя таким образом изобразительный поток (именно этот мыслительный процесс Гессе, видимо, подразумевал под медитацией). В пример Хсийя приводит знак «Инь», который тоже имеет огромное количество ситуативных значений и благодаря гибкой сравнительной системе Игры может быть использован практически в любой науке.

Если все перечисленные выше подходы к анализу Игры в бисер были построены на дедуктивном методе, то Элькан в своей работе, напротив, использовала индукцию, предположив, что сам роман Гессе – это его собственная партия: «Гессе, создавший концепт Игры в бисер, сам должен был попытаться воплотить его в собственном творчестве –

---

⁵⁴ Hsia, A. Das esoterische Glasperlenspiel. 1974. P. 197.

условно говоря, «разыграть партию»⁵⁵. Исследовательница выделяет прием музыкализации текста, в основе которого, по ее мнению, лежит стремление к универсальному художественному синтезу. Она даже находит ту самую бусину, на основе которой Гессе якобы «разыграл» роман «Игра в бисер», – это Токката и фуга ре-минор (BWV 565) Иоганна Баха. Тем самым Элькан попутно развивает и еще одну очень важную для романа тему музыки, которая буквально пронизывает весь роман (как подметила исследовательница, ни одно описание процесса Игры не обходится без упоминания каких-либо музыкальных произведений, а имя Баха, одного из любимых композиторов Германа Гессе, в тексте встречается целых 24 раза). И судя по всему, музыка для писателя была именно тем «вселенским» языком культуры, в самой своей сути содержащим синтетический потенциал: как писала Березина, «музыка для писателя – не способ бегства от мира и жизни, а возможность достижения гармонии в самой жизни и человеке»⁵⁶. А потому вплетение этой темы в смысловую ткань произведения как бы выполняло сразу две функции: наглядного примера «космического» искусства, уже сочетающего в себе противоположные математическое и художественное начала, а также, как и отметила Элькан, нанизывания новой смысловой функции в цепочку собственной литературной Игры. Помимо музыки Гессе также часто ассоциировал свое литературное изобретение с

---

⁵⁵ Элькан О. Роман Г. Гессе «Игра в бисер» как музыкально-литературный ребус // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30707369_41040170.pdf (дата обращения: 02.04.2023)

⁵⁶ Березина. А. Указ. соч. С.20.

математикой, что неудивительно, поскольку эта наука тоже очень синтетична – не зря именно в числе философы видели образ Единого. Иногда автор включает в описание партий и астрономию, живопись, философию, литературу.

Однако некоторые исследователи выделяют и негативные аспекты образа. Так Бабилова, например, пишет, что для самих членов Ордена, Игра действительно носила такой возвышенный характер, была способом сохранения духа и культурного богатства, но миряне воспринимали ее, хорошо если, просто как науку, но чаще – как занятие праздное, самодовольное, изолированное, и зачастую не видели в ней глубинного смысла (какой отец Иаков, например, различал только в религии). В самом тексте исследовательница находит несколько разных по характеру описательных рядов, и если «ряд “игра – подражание образцу” в сознании человека связан часто с относительно негативными эмоциями, то “игра – творчество” – с положительными»⁵⁷. Элькан тоже видит двойственное значение образа: с одной стороны, Игра в бисер как форма универсального языка, действительно является научной мечтой, но с другой – в замкнутом мире Касталии ей не дано быть осуществленной, поскольку там нет чего-то, что могло бы подпитывать мечту. Соответственно, Игра теряет главное качество любых наук и искусств – способность развиваться согласно новым общественным задачам.

Уникальный подход к концепту Игры предлагает Чепурина: вместо теории она обращается к практике и делает попытку симуляции. В своей статье

---

⁵⁷ Бабилова А. Указ. соч.

исследовательница подробно описывает придуманную партию Игры в бисер, опираясь на размытые характеристики процесса, предложенные Гессе в тексте. Таким образом, за исходную точку аналогической цепочки она берет шекспировское изречение «Быть или не быть», от которого переходит к философии Канта, попутно останавливаясь на ее образных связях с музыкальной пьесой «4'33» и физической оппозицией «движения/покоя и вакуума»⁵⁸.

Игра в бисер, безусловно, одно из главных изобретений романа Гессе, а потому ученых интересовал не только онтологический анализ самой идеи, но и философская основа ее появления. Так, многие исследователи отмечали, что осуществлённые в Игре принципы объединяющего мышления и перехода антитезисов в тезисы писатель мог позаимствовать из различных направлений восточной мысли. Например, Хуцишвили заметил сходство процесса построения партий с буддистской процедурой расшифровки коанов (неких парадоксальных выражений). Однако, как оказалось, влияние китайско-индийской философии на роман гораздо глубже, идейные корни могут быть найдены почти на всех уровнях построения произведения. Лебедева даже пишет, что восточная тема «является одним из ключей к пониманию романа “Игра в бисер”»⁵⁹, следовательно, философский замысел автора невозможно разгадать в полной мере без анализа данной идеологической проблемы. А

---

⁵⁸ Чепурина И. Искусство игры в бисер (по роману «Игра в бисер» Г. Гессе) // Вопросы продуктивного взаимодействия в процессе обмена знаниями. сборник научных трудов. 2021. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45786979_31852853.pdf (дата просмотра: 02.04.2023)

⁵⁹ Лебедева Е. «Долбление и клевание», или буддизм в романе Германа Гессе «Игра в бисер» // Актуальные вопросы современной науки. 2011. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20344730_69662301.pdf (дата обращения 29.03.2023)

потому апеллирование к восточной мысли встречается почти в каждой критической работе, посвященной анализу романа «Игра в бисер» и его концептуальных связей.

А.К. Руденская отмечает, что сама идейно-философская система взглядов писателя сформировалась под влиянием восточной культуры, с которой его связывала история семьи. То есть в нем самом довольно гармоничным и естественным образом сочетались западная и восточная цивилизации, а потому он будто бы хотел доказать, что подобный синтез благотворно сказался бы и на обществе: «Нельзя сказать, что Гессе считал культуры Востока чем-то единым, писатель следовал идее единства мировой культуры и не придерживался дихотомии “Запад-Восток”, где Запад для Гессе был преимущественно интеллектуальной средой, а Восток в свою очередь — сакральной»⁶⁰. В романе «Игра в бисер» эта идея привела к появлению мотива дуальности (одна из глав даже называется «Два полюса»). Тот же тезис доказывается и в статье Бардыковых, где они отмечают влияние принципиальной для даосизма и дзен-буддизма идеи биполярности на формирование особого типа отношений в романе – дружеского противостояния, которое связывало Кнехта с Дезиньори, отцом Иаковом, Старшим Братом, Тягуляриусом⁶¹.

По мнению Е.А. Лебедевой, в «Игре в бисер» можно найти пересечения с индуизмом, даосизмом, буддизмом и дальневосточным дзенем, однако Элькан считает принципиальным источником влияния китайскую книгу «И

---

⁶⁰ Руденская А. Указ. соч.

⁶¹ Бардыкова И.В., Бардыкова Н.В. Проблемы культуры и духовности в романе Г. Гессе «Игра в бисер». // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kultury-i-duhovnosti-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 29.03.2023)

Цзин» (Книгу перемен). Не зря ее название несколько раз появляется в самом тексте произведения. Когда Кнехт приходит к Старшему Брату, желая обучаться у него, тот гадает по «И Цзин», что весьма подробно описывается в тексте, в последствии Кнехт уже и сам активно использует книгу: гадает по ней, обучает этому монахов, использует ее в построении публичных игр. Гессе будто бы подсказывает читателям, что «И Цзин» играет серьезную смыслообразующую роль в его собственной книге. Элькан и Гутерман даже заявляют о возможности соотнесения отдельных фрагментов романа «Игра в бисер» с конкретными гексаграммами «И Цзин». «Как и Игра в бисер, И Цзин представляет собой сложную семиотическую (знаковую) систему, своего рода код, в знаках которого “зашифрован” весь универсум»⁶², и в которых борются и стремятся друг к другу полярные начала Инь и Ян. Интересно, что, традиционно противоборство этих элементов выражается в оппозиции «мужчина – женщина», в романе же она заменена на «молодой – старый».

Вообще тема Востока в романе не выходит на первый план, но будто бы пронизывает все полотно текста. Например, буддистскую практику медитации Гессе делает чуть ли основной чертой созданного им царства духа, причем формирует у читателей исключительно положительное, даже идеализированное представление об этом процессе. Медитация будто бы становится лекарством от всех болезней духа, чудесным методом восстановления и путем к глубокому самопознанию. Интересно, что помимо самого процесса

---

⁶² Элькан О. Указ. соч.

будничной медитации, пассивного созерцания или ощущения, которую описывает сам писатель, Лебедева выделяет еще два неочевидных типа медитации. Во-первых, Игру в бисер, по ее мнению, тоже можно назвать своеобразной медитативной практикой, во-вторых, обязательное составление студентами жизнеописаний, через которые ученики Ордена якобы могут погрузиться в прошлое и познавать через него себя, выполняет одну из важнейших функций медитации – помощи в самопознании. Неудивительно, что все три жизнеописания, составленные юным Кнехтом, перекликаются с дальнейшей его судьбой. Другое понятие романа – веселость, имеет общие черты с идеей дзэна: не зря смех и улыбка были характеристиками индуистских богов – они символ просветления и презрения к смерти. Примерно того же состояния достигает в конце жизни Магистр Музыки, именно поэтому им так восхищается Кнехт – ему понятна сущность его света.

С восточной темой в большинстве исследований неразрывно связан и мотив служения-наставничества, который по словам Лебедевой, является «одним из основополагающих в буддийской традиции»⁶³. Присутствие этого мотива в романе Гессе очевидно еще на уровне ономастики, не зря своего главного героя он называет Йозефом (тем, кому воздастся) Кнехтом (служгой).

Вообще идея наставничества очень важна для всего творчества писателя, но в романе «Игра в бисер» она, возможно, достигает своего апогея – Йозеф Кнехт по мере того, как разворачивается повествование, постепенно

---

⁶³ Лебедева Е. Указ. соч.

проходит весь путь от ученика до учителя. И эта трансформация происходит так гармонично, что где-то посередине мы даже не можем уже точно сказать, к какому из положений он ближе. В своих беседах с отцом Иаковом он прежде всего прилежный слушатель, однако в то же время и оратор, способный повлиять на суждения мудрого старца. Руденская рассматривает этот переход через призму восточной философии, где считается, что стать учителем можно только после того, как осознаешь свое Дао, предназначение. С Кнехтом это случается в тот момент, когда в нем просыпается желание действовать, поэтому в доме Дезиньори он появляется уже в статусе полноправного учителя, которого Гессе понимал также, как это делают на Востоке: «учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся»⁶⁴. Лебедева даже находит возможный прототип наставнических отношений в романе «Игра в бисер» в учении дзен-буддизма о «долблении и клевании»: «Когда усилия ученика встречают помощь со стороны учителя, подобно тому, как птенец, чтобы вылупиться, долбит скорлупу яйца изнутри, и слыша это, мать начинает помогать ему, начиная клевать скорлупу снаружи»⁶⁵. То есть это движение навстречу, взаимообусловленный процесс, но импульс к его запуску должен исходить от ученика, ему самому должна быть интересна личность наставника, что и происходит с Тито. Кнехт же все время как бы уступает ему инициативу, соглашается с его предложениями и просто находится рядом, ожидая, когда нужно будет ответить на посланный импульс. В этом смысле проясняется и смысл финала: главный герой,

---

⁶⁴ Руденская А. Указ. соч.

⁶⁵ Лебедева Е. Указ. соч.

отвечая на вызов ученика, погибает, одновременно отдавая ему весь накопленный опыт. Как пишет Лебедева, умирая в озере, Кнехт буквально «перетекает в нового ученика»⁶⁵.

Главному герою, конечно же, тоже уделено немалое внимание исследователей, ведь его образ на самом деле и является сутью всего произведения. Каралашвили, как мы помним, относил «Игру в бисер» к жанру субъективного романа, а другие исследователи отмечали особый интерес Германа Гессе к внутреннему миру. Руденская причину такого пристального внимания к поведению души видит в личном опыте писателя, который в результате многих перенесенных потрясений и сам был вынужден обращаться к психотерапии (кстати, по мнению исследовательницы, образ стеклянных бус для перебирания тоже был заимствован из психологической практики, как упражнение для успокоения). Однако каких-либо характерологических примет своему герою Гессе совершенно не дает: мы не знаем ни о происхождении Йозефа, ни о его внешности, ни о каких-либо маленьких привычках, да и характер его раскрывается лишь через прохождение определенных ситуаций (дополнительных ремарок автора о его нраве почти не встречается). Это даже позволяет Каралашвили отнести Кнехта (как и вообще всех героев Гессе) к типу «человека без свойств». Причем учитывая основной способ построения взаимоотношений персонажей в романе через некое противопоставление всех героев главному, можно сказать, что без Кнехта остальные персонажи просто не смогли бы существовать. Все они не обычные литературные людские воплощения, а скорее носители определенных идей, которые раскрываются в

столкновениях с Кнехтом и помогают ему формировать все новые заключения. Лишь небольшое число образов «Игры в бисер» переживает внутренние метаморфозы, меняется на протяжении сюжета, и в основном это именно те герои, которые вступали в споры с Кнехтом чаще других – Плинио Дезиньори и отец Иаков. Как пишет Бороденко, их конфликты «перерастали свое частное значение, переходя на уровень столкновения двух различных миров»⁶⁶, и вероятно, именно за счет снятия этого индивидуального подхода, частного плана и концентрации лишь на идейной сфере и были возможны рост и взаимообмен персонажей.

Наконец последний подход, который мы должны отметить в массиве критических работ об «Игре в бисер», – стилистический. И основной вклад в анализ языковых особенностей романа внесла Е.Ф. Сыроватская. В своей работе она разбирает среднюю длину абзацев и предложений, художественные средства, особенности лексического выбора. Так, например, она заявляет, что по сравнению с повестью «Под колесами» длина предложений в «Игре в бисер» выросла с 9,47 слов до 37,45, а средний размер абзаца и вовсе составил 10 предложений, что свидетельствует о переходе к философскому стилю повествования и «тесной связи с “номинальным” стилем, к которому тяготеет жанр интеллектуального романа»⁶⁷. При этом закрытая структура предложений используется в романе для стилизации текста под научный трактат, а

---

⁶⁶ Бороденко Н. Противостояние двух миров в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivostoyanie-dvuh-mirov-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 25.04.2023).

⁶⁷ Сыроватская Е. Синтаксико-стилистические особенности прозы Г. Гессе (на материале романов «Нарцисс и Гольмунд», «Игра в бисер» и повести «Под колесами»). Л., 1990. С.5.

высокая частотность употребления личного местоимения является чертой романа-воспитания. Также выделяет Сыроватская и черты синтетизма, субъективности и ведущую роль антитезы в текстовой структуре романа. Интересно, что, по словам исследовательницы, смех – важный смысловой инструмент в творчестве Гессе, и в рассматриваемом романе он выражается прежде всего через иронию, хотя «иронические коннотации, декодируемые как концептуальная информация, единичны»⁶⁸, поэтому прием раскрывается скорее на уровне подтекста прежде всего через дополнительный слой, который произведению дают зашифрованные имена.

К анализу лингвистических особенностей романа обращается и З.В. Оганян и утверждает, что в «Игре в бисер» используется очень образный язык, расширяющий восприятие читателей через включение в описательный процесс новых чувственных ощущений. Например, воздействие музыки на главного героя Гессе старается передать с помощью аудиовизуальных образов крика, нотных линий, птичьего полета, а также пробуждающих особые ощущения глаголов движения: «танцует», «плавает», «петляет», «видит». Конечно, много в стилистике произведения и от философии: в лексике встречаются специализированные термины, а детерминантная часть буквально построена вокруг понятия о смысле жизни.

Итак, мы разобрали все наиболее распространенные методы интерпретации романа «Игра в бисер». Разумеется, существуют и другие более узконаправленные работы, однако и те статьи, что мы упомянули выше, способны дать

---

⁶⁸ Там же. С.15.

полное представление об историко-литературном контексте создания произведения, а также о наиболее значимых художественных образах внутри него. Практически все исследования (за исключением всего трех работ) были посвящены скорее истоками, философско-идейным контекстом появления романа. Целью же данного исследования является попытка протянуть ниточку в настоящее и надеть на нее новые символы-бусины, в роли которых мы видим некоторые журналистские концепции. Их рассмотрению и будет посвящена следующая глава.

Глава 2. Журналистские концепции анализа текста

2.1. Основные журналистские подходы к освещению конфликтов

Как уже отмечалось, в своем романе Герман Гессе часто использует антитезы (Кнехт – другие касталийцы, Кнехт – бенедиктинцы, Касталия – остальной мир и т.д.) и, значит, рассматривает конфликтные ситуации. Именно эти фрагменты романа прежде всего дают возможность произвести сопоставление с методами, которыми должны оперировать журналисты при работе с темами, затрагивающими межличностные кризисы. Так как и в основе этих подходов, и в философской системе «Игры в бисер» лежит античная фигура «*conciliatio*», смысл которой заключается в выходе из антитезы в синтез. Так ее определяет А.Е. Махов: «*Conciliatio*, сближение (греч. *synoikeisis*). Фигура состоит в том, что оратор использует в своих интересах аргумент противников. “Эта фигура учит соединять (*coniungere*) различные вещи и разумно возражать общему мнению (*communi opinioni cum ratione adversari*); она имеет великую силу, [позволяющую] из хвалы извлекать недостатки, а из недостатков — хвалу” (Рутилий Луп. “Фигуры речи”)»⁶⁹. И чтобы подробнее в этом разобраться, стоит рассмотреть сперва само понятие конфликтологии. Ведь при изучении теории и практического применения концепций конструктивной журналистики важно понимать, на каком научном подходе они базируются.

---

⁶⁹ Махов А. Фигуры // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М.: Издательство Кулагиной-Intrada, 2010. С. 447.

Итак, конфликтология – это целая междисциплинарная область, которая «основывается на принципах социальной психологии, социологии, антропологии, менеджмента, политологии и географии, но имеет статус независимой науки»⁷⁰. Она рассматривает процесс развития конфликтных межличностных отношений в социуме, делая при этом особый акцент на выявлении способов определения причин конфликта, отслеживания его развитие и продолжение, анализирует последствия и разрабатывает стратегии по его устранению. Объектом конфликтологии (т.е. конфликтом) принято считать различные «споры, ссоры, разногласия, нездоровое соперничество и жестокие столкновения как внутри коллектива, так и между разными группами»⁶⁹. Не входят в рамки интересов науки разве что внутренняя дисгармония, а также конфликт между малым количеством людей (3-10 человек). Так вот основными принципами компромиссного разрешения конфликта ученые считают диалог и креативный подход. Чем больше стороны общаются друг с другом – тем больше альтернатив они видят для разрешения разногласий; чем больше есть альтернатив – тем меньше вероятность применения насилия. Здесь важную роль играет также понятие «трансцендентности» – возможности выходить за пределы шаблонов, видеть что-то новое в отношении того, что есть сейчас здесь и сейчас. Это позволяет рассматривать конфликт, как зону роста и развития, как шанс для появления того, чего раньше еще не было.

---

⁷⁰ Omoluabi P. Principles and processes of conflictology // African Journals Online. 2001, Vol. 9, No.3. URL: https://www.researchgate.net/publication/272341475_Principles_and_Processes_of_Conflictology (дата обращения: 06.05.2023)

Для обычного же восприятия (которое конструктивные теории считают негативным) характерны процессы демонизации – наделения одной стороны/одного человека всеми отрицательными характеристиками, создания образа «абсолютного зла»; и деполитизации – процесса, когда суть проблемы из дипломатической сферы переносится в эмоционально-субъективную⁷¹. Все это значительно упрощает восприятие кризиса, создает оппозицию ярлыков «хороших» – «плохих», «спасителей» – «жертв», «праведников» – «грешников». Однако поиск решения в такой парадигме не становится проще: читатели остаются в недоумении от жестокости политиков, от безвыходности ситуации (ведь с «абсолютным злом» не договоришься) и от эмоций, которые в них пробудили, но не подсказали, куда их можно было бы направить. Понимание разрушающего эффекта различных медиа материалов лежит в основе конструктивных теорий освещения конфликтов в медиа.

Например, один из принципов журналистики решений, подразумевает освещение историй, в которых люди преодолевают большие трудности и выходят из сложных жизненных ситуаций. Подобные материалы призваны вдохновить аудиторию, наглядно показать, что с любыми проблемами можно справиться, но этот подход неэффективен без стремления дать в статье полную, честную информацию о ситуации, чего некоторые герои и авторы боятся. В позитивной же журналистике главный принцип – чаще использовать в материалах положительные эмоции, что тоже помогает создавать более сбалансированный медиа образ

---

⁷¹ Chouliaraki L. The spectatorship of suffering. Sage, London-New Delhi, 2006.

нашего мира, ведь зачастую именно из-за СМИ людям кажется, что в жизни остались одни проблемы.

Любое издание, которому важна репутация надежного, непредвзятого, респектабельного источника информации, должно понимать, что именно поиск решений проблемы, многостороннее освещение конфликтов, бесстрастный анализ ситуаций соответствует принципам журналистики, несущей ответственность перед обществом. Об этом говорят теоретики конструктивной журналистики, концепции, наиболее тесно связанной с психологией. Изучая поведение людей после потребления разного типа новостей, ее основатели пришли к выводу, что нейтральный тон и добавление в статью предложений по улучшению ситуации (ссылок на фонды, информации о некоммерческих организациях, митингах или просто историй людей, который добились чего-то хорошего) сильно влияет на состояние читателей. Они начинают верить в свои силы, уровень их гражданской ответственности повышается. В противном же случае аудитория, напротив, будет более склонна к депрессивному поведению и вряд ли захочет что-то делать, ради улучшения мира или своей жизни. Перспективная журналистика тоже призывает издания работать на снижение уровня стресса в обществе: ее основатели заметили, что из-за современной повестки у людей пропало представление о будущем. Нам кажется, что дальше уже ничего быть не может, что все потеряно (поколение, ценности, время), что мир постепенно приближается к катастрофе. А все потому, что в новостях нет планов и предложений. Теоретики перспективной журналистики считают, что их обязательно нужно вернуть в

повестку – больше писать о том, что еще можно сделать, а не о том, над чем мы уже не властны, смотреть на настоящее с позиции будущего, что тоже поможет поднять уровень активности граждан. И, наконец, теория мирной журналистики, пожалуй, выглядит наиболее универсальной, объединяя в себе основные принципы всех перечисленных выше концепций. Больше писать о хорошем, выходить за шаблоны, предлагать способы разрешения конфликтов – для политиков, и возможности повлиять на мир – для читателей, избегать излишней эмоциональности, писать о чем-то новом, видеть в кризисах возможности для развития – все это в разных статьях предлагают исследователи теории мирной журналистики и их последователи.

Чтобы не ограничиваться лишь поверхностным знакомством с концепциями конструктивного освещения конфликтов и выявить четкие критерии оценивания медиа текстов (которые позже будут использованы для анализа романа Германа Гессе), необходимо рассмотреть каждую из них в отдельности. От истории возникновения, до теоретической базы и существующих недостатков.

2.1.1. Теория мирной журналистики

Теория мирной журналистики была основана в 1960-ые годы в ответ на сложившуюся уже к тому времени ситуацию в медиа системе, когда с одной стороны освещение военных действий имело большой спрос у аудитории, а с другой – культивация насилия на ту же самую аудиторию оказывала весьма негативное влияние. И граница между двумя этими

тенденциями была размыта и подвижна: спрос на войну или мир в СМИ во многом зависел от политической моды⁷². Поэтому теория мирной журналистики прежде всего выросла именно из парадигм влияния медиа на формирование сознания массовой аудитории и, вследствие этого, активного использования СМИ заинтересованными сторонами конфликтов с целью оправдания своих действий и обвинения соперников. В таком случае журналистика не предлагает новых, альтернативных идей, не объясняет контекст появления разногласий, а лишь демонизирует одного из оппонентов, способствуя появлению все новых противоречий в обществе – это журналистика войны. Теория мирной журналистики, напротив, советует изданиям стремиться к объективности, справедливости и креативности, как к основополагающим принципам миротворчества. Теория основывается на следующих константах: «1. конфликт никогда не бывает беспочвенным; 2. всегда есть возможность решить его без применения насилия; 3. в нем, как правило, бывают задействованы более двух сторон, у каждой из которых есть свои позиция и цель»⁷³.

Основателем теории мирной журналистики является норвежский ученый Йохан Галтунг. Примечательно, что он не только преподавал в университетах по всему миру и писал научные и журналистские статьи, но и успешно применял все свои идеи на практике. Например, он создал в Осло Институт исследований проблем мира, а также работал советником

---

⁷² Атанесян А., Челпанова Д., Аракелян Л. Журналистика мира как подход к освещению вооруженных конфликтов в СМИ: проблемы теории и практики. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-mira-kak-podhod-k-osvescheniyu-vooruzhennyh-konfliktov-v-smi-problemy-teorii-i-praktiki/viewer> (дата обращения: 02.03.2022).

⁷³ Lynch J., McGoldrick A. Указ. соч.

ОБСЕ и Совета Европы и участвовал в урегулировании более 50 конфликтов разного уровня. Основной целью его научной и общественной деятельности было найти и научить людей находить пути разрешения конфликта, при которых обе стороны, отступая назад ради сохранения мира, считали бы себя победителями.

Последователями Йохана Галтунга, внесшими свой вклад в развитие теории мирной журналистики, стали Мари Руж, Джейк Линч и Аннабель Макголдрик. Последние долго работали военными корреспондентами, используя на практике рекомендации Галтунга, а сейчас работают в Центре по изучению проблем мира и конфликтологии в университете Сиднея.

Критерии мирной журналистики впервые были сформулированы в статье «Структура иностранных новостей», написанной в 1965 году Йоханом Галтунгом и Мари Руж. По их словам, «события не происходят внезапно, подобно вспышке молнии, без нарастания и дальнейшего развития, и не являются только лишь частью махинаций правящей или оппозиционной элиты»⁷⁴. Однако чаще всего в медиа они представляются именно так. Поэтому в конце статьи авторы формулируют рекомендации, следуя которым, журналисты смогут более независимо и справедливо освещать ситуацию в сфере международной политики. Итак вот эти принципы: 1. больше внимания уделять истории, предпосылкам события; 2. писать о тривиальных событиях, чтобы мир в медийном изображении перестал состоять только из проблем и напряженных ситуаций; 3. по этой же причине больше писать и о частых, предсказуемых

---

⁷⁴ Galtung J., Ruge M. Указ. соч.

происшествиях; 4. делать акцент на неоднозначных событиях; 5. больше рассказывать о культурах, непохожих на вашу, чтобы приблизить их к читателю; 6. делать акцент на том, что не вписывается в рамки стереотипов, расширяя таким образом взгляды аудитории; 7. больше внимания уделять тому, как развивались события и к каким они привели последствиям; 8. выдерживать композицию и структуру в материалах; 9. больше писать о малочисленных нациях; 10. освещать жизнь не только привилегированного слоя общества; 11. среди причин конфликтов стараться выделять не только личностные; 12. чаще обращаться к позитивным явлениям⁷³.

Таким образом, согласно теории мирной журналистики, для рассмотрения конфликта прежде всего необходимо изучить контекст его формирования, разобрать трактовки причин: сравнить позиции каждой стороны, проанализировать, есть ли в них соприкосновения по каким-то пунктам. Также нужно давать возможность высказаться и ученым, политикам, простым людям, которых этот конфликт затронул, чтобы получить более полную экономическую и геополитическую картину. И тогда, изучив конфликт, как можно шире и глубже, журналист сможет, во-первых, аргументировано выступить против ложных тезисов, выдвигаемых в медийном пространстве, и, во-вторых, увидеть в конфликте позитивные возможности для развития общества.

Креативный подход и диалог – столпы, на которых держится теория мирной журналистики, ведь, как писал Йохан Галтунг в статье «Задача мирной журналистики»:

«Основной причиной насилия является невнимание одной стороны к субъективной реальности другой. Хотя “других” в мире нет. Концепция “другого” такова: мы все – человеческие существа. Возможно, нам это не всегда нравится, но, как сказали римляне, причем намного лучше и лаконичнее, чем когда-либо мог сказать Хабермас: “altera pars”. Слушайте другую сторону»⁷⁵.

Нужно отметить, что все вышеперечисленные положения теории мирной журналистики, разумеется, все еще перерабатываются журналистами и учеными для эффективного применения. Например, современная концепция теории предполагает использование более лаконичной системы критериев: 1. отсутствие негативных или позитивных ярлыков; 2. отсутствие экспрессивно-окрашенной лексики; 3. многопартийная ориентация; 4. нацеленность на диалог между конфликтующими сторонами; 5. отсутствие ангажированности; 6. поиск креативных путей, миротворческие предложения⁷⁶.

В конечном счете для мирной журналистики важно, какие последствия может иметь статья – повлечет ли она еще большую агрессию и неприязнь или же поможет найти общий язык и эффективное решение.

2.1.2. Конструктивная журналистика

Идеологи конструктивной журналистики утверждают, что конфликт в традиционном освещении медиа превратился

---

⁷⁵ Galtung J. The Task of Peace Journalism // Ethical Perspectives. 2000. URL: <https://philpapers.org/rec/GALTTO> (дата обращения: 07.05.2023).

⁷⁶ Якова Т.С. Массмедиа и конфликты современного мира // Медиаскоп. 2018. URL: <http://www.mediascope.ru/2488> (дата обращения: 06.05.2023).

во что-то рутинное и ожидаемое, в следствии чего негативная окрашенность стала восприниматься, как один из необходимых критериев успешной новости. Но подобная концентрация отрицательных эмоций в журналистской среде приводит к тому, что общество теряет веру в какие бы то ни было изменения – снижается готовность людей помогать друг другу, развиваются депрессивные настроения.

Ксения Конкина в своей статье «Конструктивная журналистика: зарубежные теоретические концепции и практические решения» указывает на то, что термин «конструктивная журналистика» применялся еще в первой половине 20 века относительно деятельности «разгребателей грязи». Современное же понимание концепции, по мнению исследовательницы, во многом связано с научными статьями (2008-2012) датских ученых Ульриха Хаагерупа и Кэтрин Гилденстед⁷⁷. Первому принадлежит идея первого частного информационного предприятия, практикующего конструктивную журналистику – Danish Broadcasting Corporation, которая с одной стороны для поддержания доверия зрителей на постоянной основе устраивает дискуссии и дебаты между журналистами или лидерами мнений, а с другой – пытается решать реальные социальные проблемы, обращаясь за помощью к другим организациям. Кэтрин Гилденстед важна для нас тем, что именно она первой применила психологический подход внутри концепции. Ее исследование помогло установить, что новость, написанная в негативном ключе, как правило,

---

⁷⁷ Конкина К. Конструктивная журналистика: зарубежные теоретические концепции и практические решения // Медиальманах. 2020. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivnaya-zhurnalistika-zarubezhnye-teoreticheskie-kontseptsii-i-prakticheskie-resheniya> (дата обращения: 20.03.2022).

угнетает читателей⁷⁸. Поэтому исследовательница призвала использовать методы позитивной психологии при разработке новостей.

Об особенностях конструктивного подхода подробно пишут Карен Макинтайр и Кэтрин Гилденстед в своей статье «Позитивная психология как теоретическая основа конструктивной журналистики». Они выделяют пять методов позитивной психологии, которые, по их мнению, необходимо применять и в конструктивной журналистике:

1. Не забывать при написании новостей упоминать и про характеристики модели благополучного мира: достижения, развитие, смысловую содержательность, хорошие отношения, вовлеченность, положительные эмоции, посттравматический рост и гибкость.

2. Создавать материалы, которые вызывали бы положительные эмоции, так как они помогают конструктивным новостным сюжетам достигать своей цели – заряжать энергией и ободрять читателей. Но это не значит, что критика в таких статьях должна отсутствовать, наоборот, журналист должен писать и про плюсы, и про минусы, ведь «хороший репортаж передает картину мира, который ты видишь обоими глазами»⁷⁹.

3. Использовать в работе элементы PERMA (ПВВСУ) – журналисты могут освещать события более

---

⁷⁸ Bro P. Constructive Journalism: Proponents, Precedents, and Principle Journalism. 2019. URL: https://findresearcher.sdu.dk/ws/files/151844768/Constructive_Journalism_Proponents_precedents_and_principles_comments_revised_January_2018_.pdf (дата обращения: 07.05.2023).

⁷⁹ McIntyre K., Gyldensted C. Указ. соч.

конструктивно, включая в свои материалы темы Позитивных эмоций, Вовлеченности, хороших Взаимоотношений, Смыслового анализа и Успеха.

4. Использовать методы конструктивного интервью, то есть задавать рефлексивные вопросы, чья задача побудить героя применять собственные ресурсы для решения проблем; циклические вопросы, с помощью которых репортер дает герою возможность посмотреть на ситуацию с новой точки зрения; стратегические вопросы, предназначенные для того, чтобы повлиять на интервьюируемого, направить его.

5. Предлагать решения – после того как журналисты знакомят аудиторию с проблемой/конфликтом, им также следует предложить читателям и какие-то варианты по разрешению ситуации. При этом статья не должна подразумеваться, как единое руководство к действию – она лишь предлагает варианты.

Как пишет Конкина, «опыт апелляции к позитивной психологии оказал огромное влияние на развитие концепции. Негатив, который исходит от материалов традиционной журналистики, создает у общества ощущение безвыходности и нивелирует эффективность деятельности общества в решении проблем»⁸⁰. Таким образом, конструктивная журналистика создает образ деятельного общества – предлагая пути дальнейшего движения, она дает читателю понять, что он может как-то повлиять на ситуацию, и тем самым мотивирует и воодушевляет его.

---

⁸⁰ Конкина К. Указ. соч.

2.1.3. Перспективная журналистика

Еще одна концепция созидательного освещения конфликтов – это перспективная журналистика, ориентированная на будущее. В основе этого подхода тоже лежат психологические теории, согласно которым прогнозирование, ментальное планирование, оценка возможного будущего и способность фантазировать позитивно влияют на сознание, эмоции и мотивацию индивидуума. И журналисты в своей работе тоже могут применять прогнозирование, делая акцент на будущем, а не на прошлом.

Хорошим примером перспективной журналистики являются интервью, в которых журналисты задают вопросы, побуждающие героев к размышлениям о способах решения проблем, путях прогресса и продуктивного общественного сотрудничества. Разумеется, интервьюеры в этом случае стремятся не получить точное предсказание, но показать, как целеустремленное поведение, ориентированное на будущее, влияет на настроение и общее восприятие жизни.

2.1.4. Позитивная журналистика

Все концепции отмечают, что медиа среда, состоящая исключительно из негативных инфоповодов, заставляет людей видеть в мире только зло, насилие и разногласия, к которым они с течением времени начинают привыкать, отгораживаясь цинизмом и переставая верить в

эффективность любых действий по устранению проблемы. Отрицательные эмоции в журналистских материалах разрушительно действуют на человеческую психику, в связи с чем в последнее время и наблюдается тенденция информационного вакуума, когда аудитория добровольно отказывается от потребления информации, стремясь защитить себя от потенциального вреда. Перманентная критика лишает общество мотивации к развитию. И концепция позитивной журналистики подразумевает борьбу с отрицательными новостями с помощью создания положительных. Журналисты необязательно должны писать о благополучном разрешении конфликтов, но вообще искать любые позитивные истории, чтобы сбалансировать медийный образ мира, делая акцент на достижениях, росте, смысле, хороших отношениях и устойчивости.

Положительные эмоции не только результат благополучного существования, но они также могут стать и причиной улучшения жизненных условий, поэтому позитивная журналистика призывает использовать их в материалах, давать аудитории повод улыбаться. Когда человек испытывает гордость, у него возникает естественное желание ею поделиться, а если статья вызовет у читателя интерес, он может захотеть лично исследовать тему, получить новую позитивную информацию. Все эти действия потенциально могут повысить уровень терпимости, доверия, стабильности в обществе.

2.1.5. Журналистика решений

Эта концепция тоже опирается на тезис о том, что традиционные журналистские материалы, которые встречаются чаще всего, рискуют скорее создать новые проблемы, нежели помогают решить старые. В Америке даже был проведен эксперимент, в ходе которого 755 респондентам было предложено прочитать одну из шести статей, которые в свою очередь затрагивали проблемы буллинга в американских школах, нехватки одежды для бедных людей в Индии и жизненных условий бездомных. При этом новости, освещавшие одну и ту же ситуацию, различались именно тем, что одна была сосредоточена исключительно на проблеме, в то время как другая содержала предложения по решению или улучшению ситуации. Результаты опроса показали, что материалы, основанные на решениях, повышали готовность аудитории воспринимать информацию, укрепляли ее доверие к СМИ и стимулировали читателей принять участие в процессе устранения проблемы.

Поэтому журналистика решений, как форма разъяснительного репортажа, освещающего эффективные выходы из социальных кризисов, способна стимулировать изменения в областях, где общество не в состоянии адекватно реагировать самостоятельно. Она рассматривает случаи, когда люди, организации и сообщества работают над поиском решений и действуют, реализуя свои идеи. И такие статьи удовлетворяют потребности как аудитории, так и изданий, осознающих свою ответственность перед обществом.

Таким образом, все рассмотренные журналистские концепции стремятся повысить эффективность влияния СМИ на общество, придать материалам созидательный характер. При этом они могут охватывать более широкий спектр тем, чем непосредственно мирная журналистика: от технологического прогресса до социальных проблем, таких как голод, депрессия и т.д. Однако все эти подходы имеют точки соприкосновения, и любой материал, полностью соответствующий критериям какой-то одной концепции, обязательно обнаружит в себе черты и других теорий. Наиболее общим, наверное, является критерий отсутствия негативно окрашенной лексики, которая в любом случае не играет важной содержательной роли в материалах, но только оказывает дополнительное отрицательное эмоциональное воздействие на читателя.

2.2. Практическое применение концепций

Разумеется, теории остаются только теориями, пока нет примеров их воплощения в жизнь. Однако, у концепций конструктивного освещения конфликтов есть немало последователей во всем мире, как среди журналистов, так и среди редакций. Например, в США функционирует целая сеть журналистики решений (Solutions Journalism Network), которая взаимодействует более чем с 80 ньюсрумами для обучения журналистов эффективному освещению историй. А в New York Times с 2001 года существует специальная рубрика «Исправления», где как раз освещают проблемные истории с позиции их перспективного разрешения. Похожие

рубрики и отделы есть у BBC (World Hacks), Politico (What Works), Boston Globe (Things that Work), а также еще минимум 44 изданий. Среди газет, которые полностью изменили политику вещания под критерии журналистики решений, можно выделить Seattle Times, Milwaukee Journal Sentinel и Deseret News. А датская журналистка Герд Мария Мэй нашла аналог данной медиа концепции в бизнесе (а именно в консалтинге - она даже основала свою фирму Room of Solutions). По ее мнению, принцип STEP (solution, trust, engagement, perspective — решение, доверие, участие, перспектива), который часто используется при планировании проектов и выстраивании стратегии компаний, весьма похож на советы журналистики решений, и главное, дает тот же эффект - повышает доверие аудитории к фирме.

Стремятся актуализировать знания людей о мире, вселяя таким образом в них надежду и оптимизм, издания World's Best News, Positive News и даже шведское национальное телевидение (SVT). Все они реализуют в работе принципы конструктивной журналистики. Основная цель заключается в том, чтобы добиться более гармоничных и объективных материалов: не замалчивать проблемы, создавая «розовую» картинку, но и не впадать в депрессию антиутопии. Например, SVT с 2009 года включила в эфир специальные конструктивные сюжеты из горячих точек, наиболее заметно освещая прогресс в Африке. Ингрид Торнквист, глава отдела иностранных новостей, сказала, что она взяла на себя обязательство создавать репортажи, основанные на решениях, когда услышала, как Ханс Рослинг, профессор международного здравоохранения Каролинского

института в Стокгольме, говорил о многих «бедных» странах мира и о том, как эти страны на самом деле улучшились за последнее время. Примерно в то же время вышел опрос, в котором граждан Швеции спрашивали об африканских проблемах, и большинство респондентов упоминали о неактуальных данных, воспроизводя информацию, соответствующую ситуации 20-30-летней давности. Так что конструктивная журналистика помогает обществу двигаться к более устойчивому и спокойному миру. Особенно хорошо это видно на примере уже упомянутого ранее датского частного информационного предприятия, Danish Broadcasting Corporation, основанного ученым Ульрихом Хаагерупом.

Перспективную журналистику практикует голландский новостной сайт «De correspondent». Его репортеры концентрируются не только на политике, здоровье, развлечениях и других традиционных темах, но также выпускают «прогрессивные» новости, сюжеты которых очень похожи утопии — возможные сценарии социального развития. Кроме того, у них есть статьи на тему новаций и их влияния на общество. Редакция считает, что такой подход очень ценен, поскольку помогает сфокусироваться на будущем, развивает темы устойчивого роста и продвижения, дает людям то, во что можно верить и к чему стремиться.

Однако примеры развития концепций есть не только в медиа сфере: все больше эти теории освещаются в образовательных организациях в процессе подготовки кадров (студентов), будущих сотрудников медиа корпораций. Среди таких университетов: Конструктивный институт Орхусского университета, Институт исследований проблем мира в Осло,

Центр по изучению проблем мира и конфликтологии в университете Сиднея и многие другие. Пусть даже не все выпускники станут приверженцами определенной концепции, но в любом случае само изучение теорий дает понимание об аналитическом подходе к журналистике, что уже важно и применимо не только в медиа индустрии.

Разумеется, удовлетворение запросов массовой аудитории - обязательное условие финансового благополучия любого СМИ, а перечисленные критерии вряд ли сразу же оценит среднестатистический читатель. Но вспоминая «Игру в бисер», разве не привел подобный капиталистический подход фельетонистической эпохи к краху всей культуры? Поэтому конструктивные теории - это игра вдолгую, учитывающая перспективы. Возможно, данный подход моментального эффекта и быстрого дохода не принесет, но со временем поможет наработать преданную и активную аудиторию, что обеспечит надежность развития в перспективе.

Глава 3. Интерпретация романа «Игра в бисер» с помощью журналистских методов анализа

3.1. Теоретическая основа анализа

Итак, мы разобрали философские и идеологические составляющие романа «Игра в бисер» и сразу нескольких журналистских концепций, работающих с принципами конфликтологии. Очевидно, что и Гессе, и медиа теоретики работали с объемной концептуальной базой и основывались на многих культурологических и научных принципах. И теперь, подобно мастерам Игры в бисер, мы собираемся доказать, пересечение этих концептов, как бы нанизать следующую бусину на философскую нить романа, протянув ее таким образом до настоящего.

Как известно, один из наиболее действенных и убедительных способов выразить какую-либо идею – воплотить ее в герое. С помощью индукции через частное показать целое. Для медиа теорий этот метод справедлив в той же степени, что и для романа Гессе, настолько концептуального, что его главного героя даже можно назвать «человеком-утопией». Поэтому если в выбранных журналистских концепциях носитель идеи – тот журналист, к которому обращаются теоретики, и тот, на примере которого иллюстрируют свои гипотезы, то в романе Гессе таким героем, конечно же, является сам Йозеф Кнехт, чьи поступки, чье поведение в конфликтных ситуациях, чье мировоззрение мы и собираемся рассмотреть с точки зрения журналистских критериев. Человека-утопию Гессе мы будем

сопоставлять с образом журналиста-конфликтолога. Поэтому для начала важно разобраться, почему такое сравнение в принципе возможно.

Во-первых, необходимо упомянуть, что подобные исследования, целью которых было рассмотреть концептуальные связи романа с более поздними, современными явлениями, уже проводились. В своих статьях Бороденко и Хуцишвили проводили аналогии Игры в бисер с интернетом, кстати, Георгий Хуцишвили известен в научном мире прежде всего, как конфликтолог. То есть уже на основании того факта, что в его библиографии есть работа, посвященная анализу именно этого романа Германа Гессе можно говорить о глубинной миротворческой потенции, заложенной в романе. А немецкий исследователь фон Фиркс и вовсе в одной из статей заявляет об общих корнях литературного концепта Игры в бисер и направления культурной психологии, которая, по его словам, помогает людям обрести равновесие и внутреннее единство. Более того он даже называет культурную психологию универсальным языком, способным синтезировать культурные знаки. Примерно также интерпретировали идею Игры в рассматриваемом романе другие филологи. Таким образом, доказав семантическое родство совершенно разных концепций, фон Фиркс приходит к следующему выводу: «Чтобы стимулировать институционализацию культурной психологии, нам нужно учиться у Йозефа Кнехта. Нам нужно служить материальному миру, преодолеть наше интеллектуальное самолюбие спросить себя, как можно было

бы сделать наши теории более прикладными и практичными»⁸¹. Наверное, данный подход наиболее близок тому, который мы применяем в данном исследовании, так как мы тоже собираемся доказать контекстуальную связь философской основы романа «Игра в бисер» с современными конструктивными и созидательными концепциями, только связанными не с психологией, а непосредственно с журналистикой.

Поэтому следующим весомым аргументом в пользу адекватности проведения подобной аналогии является тот факт, что рассмотренные нами в прошлой главе медиа теории тоже возникли, как ответ на коммерциализацию и дилетантизм фельетонистической эпохи. То есть в основании «царства духа» Гессе и конструктивных журналистских концепций лежит одна и та же идея о необходимости противопоставить более осознанный подход массовой культуре, которая не заботится о воспитании своей аудитории, но всегда согласна идти на поводу у ее преходящих потребностей ради новой прибыли или политической выгоды. Как пишет Дуррани: «das feuilletonistische Zeitalter', это век легкомысленного и невежественного дилетантизма, в котором читатель легко увидит сходство с современным миром, в котором известных химиков или пианистов приглашают поговорить о политике, где актеры, спортсмены, пилоты и поэты выражают в СМИ свое мнение о плюсах и минусах холостяцкой жизни или о причинах финансовых катастроф, – это мир "чат-шоу"»⁸². То

---

⁸¹ von Fircks E. Cultural psychological implications of Hermann Hesse's *Glasperlenspiel* (glass bead game) // *Culture & Psychology*. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1354067X221132000> (дата обращения: 29.03.2023)

⁸² Durrani O. Указ. соч. С. 18

есть черты описанной Гессе в романе современной ему культуры фельетонистической эпохи не только сохранились до нашего времени, но развились и даже вошли в привычку. Мы уже с готовностью признаем, что являемся продуктами культуры потребления и политизированных ценностей, а все предложения воспитывать аудиторию не воспринимаются всерьез, так как не вписываются ни в один финансовый план. И чем дальше мы идем, тем больше распыляемся как личности, теряя смысл, идею, концепт, которые бы помогли нам чувствовать себя цельными. Но если Игра в бисер была своеобразным «философским и моральным открытием в будущее человечества»⁸³, то конструктивные медиа теории предлагают выход из ситуации уже сейчас, при этом не впадая в высокомерность и самолюбование касталийцев, но балансируя между духом и человечностью почти также ловко, как это удавалось Йозефу Кнехту. Ал. В. Михайлов писал, что «Игра в бисер» – это роман «для размышления и для раздумий», предлагающий «некий ответ, который заключается в призыве вернуться к традиции, то есть к полноте и богатству созданных человечеством ценностей и смыслов, в призыве “одуматься” – перед лицом грозящих катастроф»⁸⁴. Поэтому мы собираемся поразмышлять и решить подходит ли предложенный ответ под требования современной общественной системы.

3.2. Анализ по критериям журналистских концепций

---

⁸³ Бороденко Н. Указ. соч.

⁸⁴ Михайлов А. Указ. соч.

Очевидно, что в рассмотренных нами медиа концепциях существует много пересечений, а некоторые критерии и вовсе повторяются от теории к теории. На самом деле неудивительно, что ученым приходится повторяться, ведь и сами люди из раза в раз повторяют одни и те же ошибки во время конфликтов. Однако для нашего исследования было бы неудобно и странно по несколько раз применять идентичные критерии интерпретации, поэтому в каждой концепции мы решили выделить один или несколько наиболее характерных принципов, чтобы с их помощью и оценить художественно-идейное пространство романа «Игра в бисер».

Итак, начнем с самой простой и легче всего выполнимой концепции – позитивной журналистики, базовым критерием которой является соблюдение баланса в тематическом наполнении медиа, когда хорошие новости освещаются не реже, чем плохие. Таким образом издание и не уходит лишь в критику и сохраняет за собой возможность вызывать у читателей положительные эмоции (что, кстати, лишь развивает преданность аудитории). Пожалуй, за это в мире Касталии прежде всего отвечает медитация, с которой неразрывно связан также и музыкальный опыт. Некоторые критики сравнивали эту практику с наркотическим опьянением или с добровольным отказом от самостоятельного мышления, однако тот факт, что чаще всего для описания процесса погружения в себя Гессе использовал именно музыкальные образы, говорит скорее о положительной трактовке медитации самим автором. Музыка вкупе с медитацией – одно из главных достоинств касталийской культуры, важный метод тренировки духа:

«Подлинный адепт Игры должен быть весь пропитан ясностью, как спелый плод сладким соком, и, прежде всего, он должен носить в себе ясность музыки, которая есть не что иное, как отвага, как бодрое, улыбочивое, танцующее шествие сквозь ужасы и огни мира»⁸⁵. Сам процесс вовсе не служит цели устранения, бегства от проблем, наоборот, он должен помогать принять факт их существования и внутри себя найти способ, как привести их к гармонии. О том же говорят и теоретики позитивной журналистики – оставленные в мире тьмы и катастроф, чей образ создают современные СМИ со своим курсом на освещение лишь критически важных событий, люди теряют восприимчивость, отгораживаются цинизмом и теряют всякую надежду на возможность разрешения конфликтов. Однако положительные эмоции, напротив, могли бы больше вовлекать аудиторию, способствовать активной деятельности. Поэтому хорошие, добрые новости вовсе не уход от проблем, как любят заявлять некоторые журналисты, они (подобно медитации) должны возвращать читателя в состояние гармонии, из которого гораздо легче объективно смотреть на трудности и находить конструктивные пути их преодоления. Более того, когда человек испытывает положительные эмоции, он стремится ими поделиться или углубиться в изучение темы, чтобы в теории почувствовать себя еще лучше. Такую возможность дает своим оппонентам и Йозеф Кнехт, хотя, возможно, увидеть это не так уж и просто. Но если мы посмотрим на поведение героя в конфликтных ситуациях и в дальнейшем на его способ коммуникации с учениками и подчиненным в статусе Магистра Игры, то увидим, что он почти никогда не

---

⁸⁵ Гессе Г. Указ. соч.

прибегает к критике и, соответственно, уже не причастен к тому, с чем борется позитивная журналистика. Вообще его излюбленный способ взаимодействия – стремление заинтересовать собеседника положительными примерами. Он рассказывает о чем-то, что потенциально могло бы привлечь человека, таким образом, не навязывая ему своего мнения (будь оно даже противоположно тому, которого придерживается оппонент), он подталкивает героев к более глубокому изучению тех принципов, в которые верит сам, что в итоге зачастую приводит к появлению понимания между сторонами. В своей официальной речи в статусе Магистра Игры Кнехт так и говорит: «Нашей благородной и вместе опасной игре с мыслью о единстве мы будем вновь и вновь придавать самый заманчивый, привлекательный и убедительный характер и будем играть в нашу Игру так, что и серьезнейший исследователь, и прилежнейший специалист не смогут уклониться от ее призыва»⁸⁶. И он сам пример такого поведения: в своих вынужденных спорах с Плинио Дезиньори, а потом во время бесед с отцом Иаковом герой почти не прибегает к критике чужого мнения, вместо этого стараясь сконцентрироваться на той точке зрения, которую выпало защищать ему. И вызывая у своих собеседников уважение к себе как к представителю идеи, он и саму эту идею делал привлекательнее в их глазах. Так в своих беседах с Дезиньори Кнехту дважды удалось смягчить его отношение к Касталии: сначала в юности, и потом, по прошествии многих лет, перед своим отъездом из провинции. Признавая в своем собственном сердце нежное чувство к внешнему миру, герой понимал, что не сможет критиковать его достаточно

---

⁸⁶ Гессе Г. Указ. соч.

яростно, а потому стремился приблизить Дезиньори к изучению нравов внутри Ордена. В одном из поздних разговоров он даже применил прием положительного примера: рассказав о мудрости древних индийцев и их поисках мировой красоты посреди ужасов войн, Кнехт незаметно провел от них параллель к собственному миру. Очевидно, что подобный позитивный подход возымел успех, поскольку каждый раз позволял Дезиньори ощутить собственную причастность к духу Касталии, проникнуться уважением к традициям Ордена. Впоследствии он даже сказал другу: «Ты был самым отзывчивым, самым доброжелательным и честным из всех, в отношении кого я такие попытки предпринимал, ты храбро отстаивал права Касталии, но не оставался равнодушным и к моему, другому миру, и к его правам, во всяком случае, ты его не презирал»⁸⁵.

В Мариафельсе Кнехту удалось проделать все то же самое: по мере того как отец Иаков высказывал свое неодобрение по поводу отсутствия в Касталии истинной религиозной духовности и отрешенности Ордена от реального мира, давал ему уроки истории, Кнехт в свою очередь рассказывал об Игре в бисер, как об энциклопедической мудрости, систематизированной аналитическим умом до уровня гармонии. В итоге сам монах назвал данный вид общения взаимовыгодным и полезным для обеих сторон – «учили и учились», вот, что они делали. Так что постепенно и почти незаметно для самого себя отец Иаков не просто начал уважать своего собеседника, но и даже защищаемые им идеи, которые до этого казались ему

абсурдными и совершенно для него неприемлемыми. Он перестал отрицать возможное сотрудничество католической церкви с Касталией и даже поспособствовал их сближению.

Не ставя себе цели победить оппонентов или развенчать их идеалы, Кнехт сумел добиться намного большего: одного расположения отца Иакова оказалось достаточно для того, чтобы в Ватикане открылось представительство Ордена. И все это с помощью позитивного метода, в котором Кнехт очевидно видел большой потенциал для конструктивной и эффективной коммуникации, чем в негативном. Он не стремился преподать смысл, хотя и знал, что наделен властью над людьми. Но суть этой власти была не в том, чтобы сеять страх, не в том, чтобы подавлять чужую волю, но привлекать людей и их воспитывать, при этом не считая себя лучше, не превознося свои собственные идеалы над чужими верованиями, а чувствуя ответственность перед теми, кто слушает. А это почти точное описание конструктивного журналиста. Хотя и на этом сходства Кнехта с ним не заканчиваются.

Например, герой явно соблюдает и важнейшие критерии концепции конструктивной журналистики, одним из которых является требование соблюдать нейтральный тон во время описания спорных и критических моментов (хотя на самом деле данный принцип можно найти почти во всех выбранных нами медиа теориях). Многие считают, что экспрессивность текста помогает удержать читателя, привыкшего перескакивать со ссылки на ссылку, на одной странице, а потому часто используют эмоционально окрашенную лексику и даже неявные оскорбления. Однако, как мы уже выяснили,

это приводит скорее к негативным, разрушительным последствиям, поскольку переводит конфликт из понятного, политического или дипломатического поля в область идеологическую: одна сторона представляется «злой», почти «демонической», другая «доброй» – люди теряют понимание о происхождении и причинах конфликта, ведь со злом во плоти нельзя договориться. Так вот с Кнехтом такого просто не могло произойти, потому что, будучи воспитанным в Касталии, он навсегда впитал в себя привычку соблюдать «срединный» тон, который он сам считал очень важным условием для любого общения, поскольку он позволял сохранять атмосферу дружеской беседы и давал большую свободу для самовыражения. И унаследовал он этот принцип, конечно же, из одного важного для Ордена правила, согласно которому следует «тем строже держаться в рамках самой утонченной вежливости, чем сильнее расхождения в мнениях и чем важнее спорные вопросы, о которых идет речь. Предполагалось, что эта имеющая давние истоки вежливость, несет в первую очередь функции защитной меры: изысканно вежливый тон дебатов не только предохранял спорящих от чрезмерно страстного увлечения и помогал сохранять полное самообладание, но, кроме того, защищал достоинство Ордена и Коллегий, так что в этой столь часто высмеиваемой студентами утрированной вежливости было зерно здравого смысла»⁸⁷. Поэтому даже когда Кнехт был единственным из участников беседы, соблюдавшим данное правило, это уже позволяло снижать градус разговора и вести его в более конструктивном ключе. В первую очередь это касается, конечно, его споров с Дезиньори. Будучи выходцем из

---

⁸⁷ Гессе Г. Указ. соч.

совершенно другой культурной среды, Плинию не знал о существовании подобных принципов ведения беседы, а потому в общении обычно бывал очень вспыльчив и экспрессивен, что, однако, приносило ему скорее проблемы. Хоть он и обличал касталийцев за их чрезмерную пристойность и самоконтроль и отсутствие страстей, хоть и называл такой стиль жизни «искусственным, стерилизованным, по-школьному ограниченным и призрачным»⁸⁸, все же сам он своими страстями совсем не владел, и за пределами Касталии, сталкиваясь с такими же людьми, зачастую жертвовал чем-то действительно важным ради минутного всплеска эмоций. Так, например, он навсегда испортил отношения с отцом, когда в порыве ярости, они оскорбляли друг друга все больше и больше, говоря такие слова, которые потом уже не смогли простить. Вероятно, оба они потом от этого страдали, но опять же из-за гордости по-настоящему помириться так и не смогли. Хотя бы поэтому стиль общения Йозефа Кнехта и конструктивной журналистики выглядит предпочтительнее.

Другой важный критерий концепции (общий с перспективной журналистикой) – «подталкивание» героев. В научных статьях теоретики объясняют данный принцип на примере интервью, в которых журналисты не просто выспрашивают мнения, но побуждают собеседников к размышлениям, поиску новых возможностей, смене мировоззрения. Однако выполнять данные цели может, конечно, и обычная беседа (просто она не является журналистским жанром). Именно в этом формате Йозеф Кнехт обычно и демонстрировал свои навыки

---

⁸⁸ Гессе Г. Указ. соч.

«подталкивания». И конечно, их можно выделить и в его общении с отцом Иаковом, и с Фрицем Тягуляриусом, на которого он оказывал сильное «педагогическое» воздействие, хотя почти никогда не прибегал к тону приказов; однако ярче всего эта способность Кнехта выразилась в разговорах со взрослым Дезиньори. Плинио впоследствии даже признавался в своих воспоминаниях, что глубина психологического воздействия Магистра Игры поражала. А ведь и конструктивная журналистика – это концепция, ближе других связанная с психологией. Но нужно признать, что в этих беседах Кнехт, пожалуй, порой звучит назидательно, особенно когда отвечает на претензии друга, вызванные столь обидевшей его встречей во времена студенчества Йозефа («Только в том случае ты имел бы право требовать от меня понимания того, что ты называешь своей жалобой, если бы ты действительно эту жалобу высказал»⁸⁹). Тем не менее самого Дезиньори подобный тон не оттолкнул, вероятно, потому что Кнехт, как обычно, с готовностью признавал собственные ошибки и высказывал уважение к переживаниям собеседника. Таким образом, Магистр подсказывал Дезиньори, как ему следовало бы вести себя, как проявлять свои чувства теперь, как он мог бы поступить, чтобы снова вернуть себе внутренний покой, ведь именно это он считал своей главной целью: «Пробудить в нем тягу к этой гармонии, вернее, развить ее и сделать в конце концов сознательной – вот в чем будет заключаться моя задача, и я охотно беру ее на себя»⁸⁸. Это поистине психологичный подход – воспитание, требующее тонкой игры, но вовсе не насильственных методов или прямого убеждения. Кнехт

---

⁸⁹ Гессе Г. Указ. соч.

подталкивал друга к иному образу мысли, но никогда не стремился решать его проблемы сам. Во всяком случае этот способ мотивации явно возымел успех – открыв свою душу для восприятия, а разум – для идей, Плинио действительно смог разрешить внутренний конфликт и найти нечто общее между новым собой и Орденом. Как писала Элькан: «Плинио, бывший касталийский вольнослушатель, теперь посещает Касталию с удовольствием и уж, во всяком случае, без тени былой враждебности»⁹⁰.

Однако для журналиста важно не только подталкивать и воспитывать, но и предлагать что-то взамен. Особенно этот критерий важен для журналистики решений, согласно которой истории про преодоление трудностей, освещение примеров выхода из трудных, но распространенных ситуаций, вдохновляют читателей и дают им веру в собственные силы. Примером подобных материалов можно назвать три жизнеописания, написанные Кнехтом в ходе выполнения одного из студенческих заданий. Если откинуть то значение, которое сам Гессе, вероятно, вкладывал в эти вставные истории (пример «внеисторической» личности, повторение и предсказание судьбы Кнехта), вполне можно сказать, что юный Йозеф писал их именно как пример, возможно, не для читателей, но для самого себя. Заклинатель дождя Слуга, отшельники Иосиф Фамулус и Дион Пугель, пастух Даса – все они проходят через серьезные испытания, когда на кону стоят не просто их жизни, но сам смысл их существования, и каждый из героев делает выбор в пользу этого смысла, предназначения, Дао. В итоге это позволяет им возвыситься над жизнью, продолжиться и после смерти. Такие решения

---

⁹⁰ Элькан О. Указ. соч.

дают надежду самому Кнехту и впоследствии вдохновляют его решиться на что-то подобное. Важно, что в жизнеописаниях соблюден не только критерий конструктивного предложения, но и фактологической точности, без которой нельзя было бы раскрыть все значение выбора. Теоретики журналистики решений особо это отмечают: по их словам, давать полную и честную информацию о сложной ситуации порой бывает страшно, ведь правда не всегда приятна, однако именно она больше всего помогает людям верить в предложенный выход. Сам Гессе, вероятно, тоже следовал этому принципу, ведь как сказал Циолковский, «чем дольше мы рассматриваем роман Гессе, тем яснее понимаем, что это не телескоп, нацеленный в воображаемое будущее, а зеркало, отражающее с тревожащей четкостью парадигму нынешней реальности»⁹¹. И вот когда читатели действительно поверили в необходимость каких-то изменений, нужно предложить выход. Согласно журналистике решений, особенно хорошо, когда автор сам подает пример, реализует свой проект, пишет репортаж с какого-нибудь благотворительного события, создает впечатление собственной вовлеченности, что в свою очередь привлекает и аудиторию. Возможно, Кнехт это осознал после своего пребывания в Мариафельсе подле отца Иакова, который был «не только мудрым созерцателем, но и деятельным созидателем; он использовал место, на которое его поставила судьба, не для того, чтобы услаждаться уютом созерцательного существования, но отворил свою ученую келью всем ветрам мира и открыл свое сердце бедам и чаяниям своей эпохи, он сам был участник

---

⁹¹ Ziolkowski T. Указ. соч.

событий своего времени, он нес свою долю вины и ответственности за них»⁹². Пример бенедектинца подействовал на Йозефа, поэтому, когда он уходил из провинции, вероятно, в первую очередь он шел именно за своей судьбой, однако делал это не по прихоти, но с осознанием возросшей ответственности (теперь не только перед Орденом, но и перед остальным миром), и наверняка, в глубине души лелеял надежду на то, что и его пример окажется для кого-то благотворным. Ведь это всегда работает лучше любого увещевания.

Решение главного героя уйти из Касталии принципиально важно для всей философской системы романа: именно это событие окончательно снимает противоречия между двумя мирами и открывает возможное их объединение (по крайней мере внутри одного человека). И то, как Кнехт к этому выбору приходит, во многом соответствует критериям, которые предъявляет перспективная журналистика. Во-первых, Йозеф принимает данное решение с опорой на будущее, а значит, проявляет свою способность прогнозировать. Ведь оставление Ордена — это не просто сиюминутное желание или бегство от каких-либо обязанностей и тоталитарной системы. Нет, это абсолютно осознанный путь к сохранению важных для Кнехта ценностей его родной провинции, ее духа. И тут важно заметить, сколь заранее он уже предчувствовал это решение. Ведь впервые герой заявляет о недолговечности Игры сразу после первого ее проведения в статусе Магистра, которое оказалось исключительно удачным, уже тогда он «познал законы вселенной, постиг бренность всего сущего и

---

⁹² Гессе Г. Указ. соч.

спорность всего, что создано человеческим духом»⁹¹. На самом деле это ощущение исторического процесса, всеобщей связанности – очень важный и редкий дар, о котором писали и Маршал Маклюэн⁹³, и Теодор Адорно с Максом Хоркхаймером⁹⁴ – испытывая ужас перед хаосом вселенной, человек хочет отгородиться от него в среде, ограниченной его сугубо личностными знаниями, ведь это создает иллюзию контроля, однако подобная среда непроницаема для всего нового, а потому такой человек обречен вечно отставать от настоящего, лишая самого себя шанса на будущее. Йозеф Кнехт, напротив, осознавая цикличность истории, принимает хаос и предсказывает, что жертвой его станет и Касталия, задолго до того, как появятся первые симптомы ее падения. Это и дает герою настоящий контроль – возможность влиять на ситуацию. Что он и делает: Кнехт ведь не просто уходит, желая подать пример, но и стремится объяснить другим касталийцам причины своего ухода, призывая их посмотреть на настоящее с позиции будущего и сделать то, что еще возможно. Хотя на тот момент ситуация далека от критического пика, времени, когда людям, живущим в «контейнерах», вдруг является очевидное настоящее, а будущее начинает казаться невозможным. Но это и называется перспективным мышлением, основанным на критическом анализе прошлого – Кнехт думает о будущем, прогнозирует проблемы и предлагает план по их предотвращению, несмотря даже на то, что все остальные в то время еще не готовы были даже признать возможность грядущего распада. Магистр Игры свои доказательства

---

⁹³ Маклюэн М. Указ. соч.

⁹⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.-СПб., 1997.

строит на основе понимания непрекращающегося и повторяющегося характера истории, которую в Касталии даже не признают наукой. Тем не менее Йозеф напоминает Воспитательной Коллегии об обстоятельствах, в которых зарождалась сама идея педагогической провинции, и предупреждает, что подобная ситуация неизбежно настанет вновь, только в этот раз она будет означать уже конец Игры в бисер: «Но именно эта подготовка к войне в скором времени сделается опять высшим законом, в парламенте вновь одержат верх генералы, и, если народ будет поставлен перед выбором – пожертвовать Касталией или же подвергнуть себя опасности войны и гибели, легко предвидеть, как и за что он будет голосовать. И тогда, безо всякого сомнения, возобладает воинственная идеология, возобладает мировоззрение лозунгов, под знаком которых ученые и ученость, латынь и математика, просвещенная культура духа лишь постольку будут иметь право на существование, поскольку они могут служить целям войны»⁹⁵. Пусть даже Кнехт не считает возможным (и даже нужным) предотвратить само падение Касталии, но он все же не оставляет свое послание простым предостережением, предлагая определенный путь развития, который позволил бы сохранить Орден. Магистр Игры видит выход, при котором он уже не будет обладать такой независимостью, свободой, политической властью, однако сама суть его – дух культуры – будет жить. Для этого, считает главный герой, надо пересмотреть саму миссию ученых касталийцев: «Нам надлежит рассматривать скромную, трудную и ответственную работу в школе, особенно в мирской школе,

---

⁹⁵ Гессе Г. Указ. соч.

как самую важную и почетную часть нашей задачи, и всемерно ее расширять»⁹⁴. То есть идти в мир, передавать свою мудрость всем, а не только избранным, влиться в общество, стать неотъемлемой его частью, адаптироваться под требования времени. И хотя Кнехт, конечно, понимал, что нужного эффекта его послание не принесет, что остальные Магистры еще не будут готовы признать грядущие проблемы, все же он пишет письмо, отправляет его, разговаривает с предстоятелем Ордена Александром. Вероятно, потому, что надеется хотя бы заронить зерно сомнения, подтолкнуть персонажей к новым раздумьям, что согласно концепциям перспективной и конструктивной журналистики, уже является важным достижением.

Теория мирной журналистики предлагает, наверное, самую продуманную и исчерпывающую систему рекомендаций, поэтому мы использовали наибольшее количество ее критериев для анализа «Игры в бисер», первый из которых, – умение мыслить креативно и нешаблонно, находить в конфликтах возможности для развития. Согласно Циолковскому, Гессе вообще считал, что «люди должны стремиться к новой морали, выходя за рамки общепринятой дихотомии добра и зла»⁹⁶, а потому и в персонаже Кнехта воплотил образ аутсайдера, который бросает вызов общественной реальности ради высших идеалов. Мало того, что сама Игра, по мнению, главного героя, являет собой апофеоз универсальности, снимающий ограниченность науки, как собранию разных дисциплин, но и само его внутреннее мироустройство не позволяло ему успокоиться и застынуть, закрыться за дверьми шаблонов и

---

⁹⁶ Ziolkowski T. Указ. соч.

привычек. Он был человеком «пульсирующей полярности», а потому узнавая что-то новое, он начинал только больше сомневаться, будто бы с каждой открытой истиной все яснее осознавая всю ограниченность своего мышления, просто по своей человеческой природе обреченного на вечную неудовлетворенность. Однако это не только не останавливало Кнехта на его пути к знаниям, но раздувало его пыл, мотивировало идти дальше. Так в своем стихотворении «Жалоба» Йозеф якобы писал: «Осуществить себя! Суметь продлиться! // Вот цель, что в путь нас гонит неотступно, - // Не оглянуться, не остановиться, // А бытие все так же недоступно»⁹⁷. Кнехт сознает неполноту своего сознания, но он стремится открыть новые точки зрения, «пробудиться» в мир, что он понимал, как новое свое положение, констелляцию, то есть процесс непрерывный. И именно это желание героя постоянно меняться позволяло ему гораздо шире смотреть на мир, видеть в нем то, что было недоступно другим, и незаметно приучать их к новому взгляду.

Таким образом, Кнехт исполняет и требование поиска новых возможностей в конфликтных ситуациях. Он сам открыт: главным преимуществом своего пребывания в Мариафельсе герой называет возможность учиться, а в своей встрече с обиженным на всю Касталию Дезиньори Магистр смог увидеть способ помочь и себе, и другу. Хотя герой прекрасно понимает все препятствия, возникающие во время коммуникации из-за культурных, языковых, личностных различий, он считает, что из этого можно сделать два вывода: либо, что «на свете вообще не существует двух людей, между которыми возможно полное, безраздельное общение и

---

⁹⁷ Гессе Г. Указ. соч.

взаимопонимание»⁹⁶, либо, что «любой человек на земле принципиально способен дружески разговаривать с любым другим и понимать любого другого человека»⁹⁸. И сделать выбор в пользу второго утверждения ему помогает следующая рекомендация теории мирной журналистики – внимательно изучать контекст появления разногласий до тех пор, пока не будет найдено нечто общее в противоборствующих позициях. Например, Кнехт всегда с готовностью признает существующие недостатки в системе общественного устройства Касталии – это уже свидетельствует о том, что он мыслит критически и открыт к диалогу – однако всегда отстаивает истинную ценность ее культуры, ту ясность, что есть «высшее познание и любовь, приятие любой действительности, бодрствование на краю всех бездн и пропастей, добродетель святых и рыцарей»⁹⁷. Более того, герой всегда с уважением относится и к мнению своего оппонента, понимая, что дипломатическое высокомерие и нежелание признавать субъективную реальность одной из сторон всегда приводят к ухудшению отношений, и никогда – к разрешению конфликта. Еще в юности, когда ему пришлось по указанию Магистра Музыки защищать идеалы Касталии в спорах с Плинио Дезиньори, Кнехт решил, что правильнее всего будет соблюдать подобную политическую беспристрастность, не презирать и не оскорблять другой мир. Он сам заявлял об этом своему оппоненту: «Каждый из нас обоих сражается на том месте, на которое поставлен, и каждый из нас прекрасно знает, что то, против чего он борется, имеет право на существование и неоспоримую ценность»⁹⁷. Отношение Кнехта к

---

⁹⁸ Гессе Г. Указ. соч.

противоречиям, как всего лишь к противоречиям (а не как к непреодолимым разногласиям), позволяло ему также осознавать, что ни одно из мнений не может претендовать на абсолютность, так как является лишь частицей от общемирового единства, к которому, по его мнению, и надо было стремиться. А потому его действительно можно назвать настоящим защитником интересов Касталии, ведь он искренне желал вести ее «не по пути замыкания в себе и косной обособленности, а по пути живого взаимодействия и диалога с внешним миром»⁹⁹. Это также отвечает следующим критериям теории мирной журналистики: многопартийная ориентация, нацеленность на диалог между конфликтующими сторонами, отсутствие ангажированности. Исполнять их Йозефу Кнехту помогало его самоопределение в роли представителя Ордена, служителя общества. В любых конфликтных ситуациях он был прежде всего касталийцем, наполненным культурным духом педагогической провинции, но в то же время сознающим территориальную, мировоззренческую, политическую ограниченность представляемой им страны. Поэтому, как пишет Бороденко, споры, в которых приходилось участвовать Кнехту «перерастали свое частное значение, переходя на уровень столкновения двух различных миров»¹⁰⁰.

Это можно назвать дипломатическим подходом или соблюдением всех требований конструктивных журналистских концепций, но очевидно, что для Германа Гессе именно стремление к широте взгляда, заботе о будущем, сознанию своей социальной миссии и было

---

⁹⁹ Гессе Г. Указ. соч.

¹⁰⁰ Бороденко Н. Указ. соч.

способом гармонизации мира, снятия противоречий полярности, взаимопроникновения Инь и Ян. Все дело в выборе правильного отношения: если тебе удастся осознать противоположности как постоянно сменяющие друг друга стороны одной вселенской сущности, то твое вынужденное отрицание какого-либо из двух полюсов сменяется свободой принятия решений и движения по всему мировому пространству. И Йозеф Кнехт, как пишет Березина, «уже с юных лет, в отличие от кастальцев, понимает, что нужно не отталкивать от себя этот «мир», посланцем которого был Плинио, не презирать его, а понять и объединить со своим высшим, духовным, кастальским. Ведь Касталия должна служить жизни»¹⁰¹. И, казалось бы, все это так просто, так очевидно, кто-то даже мог бы назвать данный подход «детским», а потому неактуальным, но мы уже выяснили, сколь много философских течений Гессе удалось объединить в этой истине о синтезе тезиса и антитезиса, поэтому простота эта скорее кажущаяся, внутри себя таящая мудрость целых поколений мудрецов. Сегодня найти ее мы можем в теории мирной журналистики и других конструктивных медиа концепциях, критериям которых, как мы выяснили, практически полностью соответствует поведение Йозефа Кнехта.

3.3. Идеологическая основа.

Одно из своих стихотворений Йозеф Кнехт назвал «Transcendere» (однако потом все же сменил заглавие на

---

¹⁰¹ Березина А. Указ. соч. С. 112

«Ступени»). Именно оно лучше всего отражает то состояние «пробуждения», в котором герой ощущал внутреннюю гармонию и вселенское единство, и именно его строки Магистр Игры вспоминает перед тем, как в последний раз переступить порог своего кабинета:

«Как знать, быть может, смерть, и гроб, и тленье

Лишь новая ступень к иной отчизне,

Не может кончиться работа жизни...

Так в путь — и все отдай за обновенье!»¹⁰²

Именно здесь, в этом понятии «трансцендентности», пожалуй, и заключается философская идея романа «Игра в бисер», а вместе с ней и главный принцип конфликтологии, и всех конструктивных медиа теорий, как производных данной науки. Именно наличие этой идеи пересечения пространств, вечного поиска обновления, ненадежности границ понятий и делает возможным сопоставление литературного произведения Гессе с прикладными журналистскими концепциями. И очень важно, как эта идея применяется к проблеме времени.

В образе Йозефа Кнехта чудесным образом переплетаются прошлое, будущее и настоящее - в своем мире он ходячий парадокс и единственный пример подобного гармоничного сочетания. Касталия и все члены Ордена живут прошлым, свое настоящее они кладут на алтарь сохранения и осмысления великого наследия, оставленного им в дар минувшими тысячелетиями. Без прошлого, без культурного генофонда они просто не смогли бы существовать. Но будущего они не видят, более того, не считают нужным о нем думать и даже налагают негласный

---

¹⁰² Гессе Г. Указ. соч.

запрет на создание чего-то нового. Примечательно, что историю, как часть реальности, в Ордене тоже не изучают, ведь она слишком прозаична, лишена духовной ценности. Тягуляриус, например, считает изучение этой науки предательством по отношению к духу, ведь все, что она из себя представляет, есть лишь бесконечная и кровавая борьба за власть, от которой в педагогической провинции официально отказались. Однако, отрицая такую историю, касталийцы отрицают и саму действительность, им не известен человек, как сказал отец Иаков «в его скотстве, и в его богоподобии»¹⁰³. И ровно по этой же причине в Ордене не понимают всеобщую связанность, непрерывное развитие жизни. Кнехт отмечает, что в Касталии совершенно ничего не знают о причинах, породивших саму провинцию, идею Игры в бисер, там сознательно забывают о временах дикой ненависти и неопикуемых страданий, а существующий порядок им кажется очевидным, сам собой разумеющимся, и именно поэтому они не способны даже представить, что когда-то он может быть нарушен. Робертс пишет, что большинство касталийцев «слишком уверены в своей определенности, в основополагающих принципах педагогической провинции»¹⁰⁴. Таким образом, избирательное отношение к истории отнимает у Касталии будущее. Не понимая своих истоков, своей ответственности перед общим ходом жизни, касталийцы существуют в изолированном настоящем, увлеченные любованием собственной изощренности и самовосхвалением.

---

¹⁰³ Гессе Г. Указ. соч.

¹⁰⁴ Roberts P. Technology, Utopia and Scholarly life: Ideals and Realities in the work of Hermann Hesse // Policy Futures in Education. 2009. URL: <https://core.ac.uk/download/35469833.pdf> (дата обращения: 07.05.2023)

Тем временем внешний мир своей заботой признает лишь настоящее – в нем сосредоточены все его ценности. Нужно признать, что размышляют миряне и о будущем, но только в том ключе, в каком оно может продолжить все то, чем они обладают сейчас. Получается парадокс: члены Ордена превыше всего чтят понятие долга, они рефлексируют, но слишком спокойны, ибо им неведома тревога о будущем; а люди за пределами Касталии, покой, напротив, потеряли, потому что ни во что не ставят ответственность перед предками. Как пишет Березина, «кастальское понимание свободы возникло, развилось и укрепилось в противовес «мирскому», о котором в провинции говорят только иронически. Свободу буржуазной интеллигенции Магистр музыки называет лишь иллюзией. В действительности же это зависимость от денег, успеха, славы, от собственного честолюбия»¹⁰⁵. Так, Дезиньори, продавая свой фамильный дом ради нового коттеджа, отвечающего всем требованиям современной эстетики, даже не подозревал, что тем самым выбивает последний камень у себя из-под ног, ту платформу, которая еще отделяла его от пропасти отчаяния и потерянности. Вновь обрести внутреннюю опору он смог лишь в Касталии, в обители абсолютизированного прошлого.

А что же Йозеф Кнехт? Ему единственному, кажется, открылось понимание того, как спокойствие сочетается с тревогой, как временные пространства перетекают друг в друга. Прошлое нас определяет, оно формирует идеалы и мировоззрение, ибо человек, ведающий о том, что было, знает, кто он есть сейчас. Но долг перед предками человек

---

¹⁰⁵ Березина А. Указ. соч. С. 96.

выплачивает потомкам, а потому не может позволить себе статичного и безмятежного пребывания в бытии, мысль его должна тревожиться о будущем. И пусть признать свою беспомощность перед вселенским хаосом, перед недолговечностью вещей страшно и некомфортно, но, осознав необходимость «transcendere» (с итальянского – переходить), Йозеф Кнехт это все-таки делает. Он сознавал неустойчивость и эфемерность идеалов Ордена, потому что помнил об их исторической детерминированности, а после переносил свои опасения в область будущего. Так в настоящем и должны переплетаться былое с грядущим, чтобы действия человека были конструктивными. На основе этой мысли и рождается идеализм Гессе, направленный «не столько на восстановление прошлого, сколько на обогащение характера современного человека посредством эффективного сочетания старых и новых ценностей»¹⁰⁶. Ведь Кнехт движется не от крайности к крайности – он стремится найти промежуточное положение, которое бы снимало противоречия между Касталией и миром, в этом он видит цель своего служения. Николай Бердяев писал: «Только любовь обращает человека к будущему, освобождает от тяжелой скованности прошлым и является источником новой, лучшей жизни»¹⁰⁷. У Кнехта эта любовь тоже была – она питала его жажду познания, она позволяла доверять окружающему, она была источником синтеза и причиной его безграничной самоотдачи. Из-за любви к миру тревога за будущее и тяжесть ужасов прошлого не мешали позитивному восприятию героя, он знал, что «глубина вселенной и ее

---

¹⁰⁶ Norton, R.C. Hermann Hesse's criticism of technology. // The Germanic Review. 1968.

¹⁰⁷ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1933.

тайны не там, где тучи и мрак, глубина в прозрачном и радостном»¹⁰⁸, и это давало ему свободу в настоящем.

И в этом Йозеф Кнехт «совершенен и притом почти недостижимо совершенен»¹⁰⁹, он – человек-утопия. Зато конструктивный журналист вполне реален, а в основе его работы, как мы уже выяснили, тоже лежит принцип трансцендентности. Вполне вероятно, что умение объединять в самом себе (и своих текстах) прошлое и будущее и есть главный критерий всех рассматриваемых нами теорий. Ведь если журналист всесторонне и масштабно изучил причины событий, а после придумал, как можно повлиять на их дальнейшее развитие, то все остальные возможные ошибки устраняются сами собой. Зачем человеку, который знает, что делать, использовать оскорбления и ненормативную лексику? И разве будет человек, который действительно разобрался в природе конфликта, обвинять или демонизировать одну из сторон? Разве будет он отвечать на критические выпады оппонентов вместо того, чтобы попробовать увлечь их собственной позицией? Ответ на эти вопросы, конечно, неоднозначен, однако Йозеф Кнехт так не поступал, а потому в его образе воплотился идеал конструктивного журналиста, появившийся в истории человеческой мысли на десятки лет позже, но воплощаемый некоторыми нашими современниками прямо сейчас. Получается, что человек-утопия в определенном смысле реален, практические рекомендации сформулированы, мы можем просто следовать инструкции, которую для нас написали теоретики

---

¹⁰⁸ Гессе Г. Указ. соч.

¹⁰⁹ Кругликов В. Образ «человека культуры». М., 1988. С.82.

журналистских концепций, и примеру, который в образе своего Йозефа Кнехта, продемонстрировал нам Герман Гессе.

Заключение

Итак, в первой части исследования, в ходе анализа критической литературы, посвященной роману «Игра в бисер», мы выяснили, что при его создании была использована обширная культурная база. Филологи находят пересечения философской системы произведения с немецкой романтической литературой, христианством, культурой и религиями Востока, древнегреческой мыслью и историографией. Можно даже говорить о том, что свою идею Игры в бисер, как построения символических связей между разными культурными концепциями и явлениями, Герман Гессе не только описал на страницах романа, но и воплотил в своем синтезированном, музыкальном тексте. Но главной идеей, главной утопией романа стал образ человека, способного противоречия объединять в синтезе, стремящегося к надличностному служению и вневременной гармонии. Исходя из обзора научной литературы, посвященной разработке и пояснению конструктивных журналистских концепций, мы можем сказать, что в менее грандиозной форме ту же идею поиска взаимовыгодного компромисса и ответственности личности перед обществом развивает и множество современных медиа теорий. Сегодняшняя массовая, развлекательная журналистика мало чем отличается от фельетонистической эпохи, описанной Гессе в романе, как одной из причин упадка культуры и в то же время рождения касталийского царства духа. В противовес медиа системе, где авторы готовы писать, о чем угодно, ради привлечения и удержания внимания аудитории,

ученые предлагают более осознанный подход. Конструктивный журналист заботится о том, какой эффект окажут его тексты на читателей, а потому стремится писать их так, чтобы они воспитывали, мотивировали, успокаивали, давали надежду и предлагали решения. Для этого теоретики медиа концепций выработали сразу несколько «сводов с правилами», рекомендуя следовать определенным критериям: соблюдать баланс в освещении, как плохих, так и хороших новостей; подталкивать читателей к саморазвитию и поиску новых точек зрения; прогнозировать возможные события будущего; сохранять нейтральность; с уважением относиться к оппонентам; изучать историю конфликта и традиции других культур; и наконец, не ставить ограничений для познания, не претендовать на абсолютность – вечно искать другие подходы, разрушать шаблоны и находить точки соприкосновения противоположностей.

По итогам анализа романа «Игра в бисер» согласно представленным критериям конструктивных журналистских концепций, можно смело заявлять о соответствии поведения главного героя основным принципам выбранного метода оценки текста, то есть о подтверждении нашей гипотезы. Мы говорили о влиянии на текст произведения и теоретическую базу медиа теорий античной фигуры «*conciliatio*», Каралашвили называет ее «*coincidentia oppositorum*» – соединение противоположностей, примирение “инь” и “ян”, снятие напряжения между противоположащими полюсами человеческого существа»¹¹⁰ и утверждает, что осуществляется она прежде всего в личности Йозефа Кнехта. И раз нам удалось установить концептуальное соответствие,

---

¹¹⁰ Каралашвили Р. Указ. соч. С. 32.

возможно, лучшего персонажа в творчестве Германа Гессе требованиям современных журналистских концепций, то мы можем утверждать, что эта связь работает и в обратную сторону. То есть конструктивные медиа теории продолжают идею гармоничного и осознанного существования, которая воплотилась в романе «Игра в бисер», а до него – во многих древнейших направлениях философской и религиозной мысли. Таким образом, главным выводом данного исследования может стать утверждение о возможности воплощения образа человека-утопии, Йозефа Кнехта, в роли конструктивного журналиста. Простое соблюдение рекомендаций по написанию авторских текстов в теории приближает публициста к герою произведения, удостоенного Нобелевской премии. Так, снимаются и вопросы об утопичности гессевской идеи трансцендентности – мы могли убедиться, что все критерии весьма просты и осуществимы; и о наивности, детскости медиа концепций – тысячелетняя история философских течений, чьи идеи они заимствуют и продолжают, не позволяет усомниться в продуманности и обоснованности их подходов.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Путь Германа Гессе. // Гессе Г. Избранное. - М., 1977. URL: <http://www.philology.ru/literature3/averintsev-77.htm> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Атанесян А.В., Челпанова Д.Д., Аракелян Л.Т. Журналистика мира как подход к освещению вооруженных конфликтов в СМИ: проблемы теории и практики. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-mira-kak-podhod-k-osvescheniyu-vooruzhennyh-konfliktov-v-smi-problemy-teorii-i-praktiki/viewer> (дата обращения: 02.03.2022).
3. Бабикова А.А. Особенности понятийного, образного и ценностного компонентов концепта Das Spiel/Игра в романе Германа Гессе «Das Glasperlenspiel»/«Игра в бисер» // Филологический аспект. 2019. № 11. С. 89-96. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-ponyatijnogo-obraznogo-i-tsennostnogo-komponentov-kontsepta-das-spiel/igra-v-romane-germana-gesse-das-glasperlenspiel/igra-v-biser.html> (дата обращения: 27.03.2023)
4. Бардыкова И.В., Бардыкова Н.В. Проблемы культуры и духовности в романе Г. Гессе «Игра в бисер». // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). С. 32-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kultury-i-duhovnosti-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 29.03.2023)

5. Бердяев Н.А., Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1933. 178 с.
6. Березина А. Г. Герман Гессе. Л., 1976. 128 с.
7. Бороденко Н.В. Противостояние двух миров в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. №2-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivostoyanie-dvuh-mirov-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 25.04.2023).
8. Бороденко Н.В. Символика Игры в бисер в новых контекстах романа г. Гессе «Игра в бисер» // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №2-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-igry-v-biser-v-novyh-kontekstah-romana-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 25.04.2023).
9. Бороденко Н.В. Совершенный герой Г.Гессе в литературных контекстах // Евразийский союз ученых. 2015. № 6-4 (15). С. 97-99. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27207964_43200356.pdf (дата обращения: 02.03.2023)
10. Гессе Г. Игра в бисер / пер. с нем. Апт С. М.: АСТ, 2016. 510 с. URL: https://librebook.me/the_glass_bead_game (дата обращения: 07.05.2023)
11. Гутерман Ю.О. Поэтика романа Г. Гессе «Игра в бисер» в контексте философии буддизма и даосизма: автореф. дис. ... канд. филол наук. М., 1999. URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-romana-g-gesse-igra-v>

обращения: 29.03.2023)

12. Джапарова Э.К., Мордухова Н.И. Теория экзистенциализма в произведениях Э.Хэмингуэя «Старик и море» и Г.Гессе «Игра в бисер» // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер. Филология. История. 2020. № 2. С. 39-42. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44725773_76104409.pdf (дата обращения: 29.03.2023)
13. Каралашвили Р.Г. Проблемы поэтики Г. Гессе: К типологии немецкого романа XX в: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1983. 51 с.
14. Каралашвили. Р.Г. Философские основы позднего творчества Г. Гессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971. 32 с.
15. Конкина К. Конструктивная журналистика: зарубежные теоретические концепции и практические решения // Медиальманах. 2020. №4 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivnaya-zhurnalistika-zarubezhnye-teoreticheskie-kontseptsii-i-prakticheskie-resheniya> (дата обращения: 20.03.2022).
16. Кругликов В.А. Образ «человека культуры». М., 1988. 192 с.
17. Лебедева Е.А. «Долбление и клевание», или буддизм в романе Германа Гессе «Игра в бисер» // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 17-1. С. 174-181. URL:

- https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20344730_69662301.pdf (дата обращения 29.03.2023)
18. Лейтес Н.С. Эволюция жанра романа в немецкой литературе 1918— 1945 гг: дисс. ... докт. фил. наук. Пермь, 1972. Т.2. 243 с.
  19. Лосев А.Ф. Самое само. М., 1994. С. 300-526.
  20. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. 464 с.
  21. Маркович Е. Герман Гессе и его роман «Игра в бисер». М., 1969. 12 с. <https://coollib.com/b/543668/readp?p=12&cnt=9000> (дата обращения: 07.05.2023)
  22. Махов А. Е. Фигуры // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель. М.: Издательство Кулагиной-Intrada, 2010. С. 437-455.
  23. Михайлов А. В. Мир Германа Гессе // Литературное обозрение. 1986. №5. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190408-mir-germana-gesse> (дата обращения: 17.04.2023)
  24. Оганян З.В. Лингвистические особенности романа Германа Гессе «Игра в бисер» // Сборн. материалов XIII-ой межд. научно-практической конф. Концептуальные пути развития гуманитарных и социальных наук. 2019. С. 72-76. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_40550355_64246041.pdf (дата обращения 29.03.2023)
  25. Руденская А.К. Образы китайской культуры в романе Германа Гессе «Игра в бисер». // Востоковедение: история и методология. 2021. № 1. С.

- 108-116. URL:
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49326950_73467690.pdf (дата обращения: 01.03.2023)
26. Сыроватская Е.Ф. Синтаксико-стилистические особенности прозы Г. Гессе (на материале романов «Нарцисс и Гольмунд», «Игра в бисер» и повести «Под колесами»): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1990. 16 с.
27. Седелник В.Д. Герман Гессе и швейцарская литература. М., 1970. 92 с.
28. Терехова Т.В. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х - 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол наук. М., 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/problematika-i-osobennosti-poetiki-rannego-tvorchestva-germana-gesse-1890-kh-1920-kh-godov> (дата обращения: 02.04.2023)
29. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.-СПб., 1997. 312 с.
30. Хуцишвили Г.Ш. Идея метакультуры в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Философские науки. 1988. № 12. С. 43-52. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190408-ideya-metakultury-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 01.03.2023)
31. Чепурина И.В. Искусство игры в бисер (по роману «Игра в бисер» Г. Гессе) // Вопросы продуктивного взаимодействия в процессе обмена знаниями. сборник научных трудов. Казань, 2021. С. 159-166. URL:

- https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45786979_31852853.pdf (дата просмотра: 02.04.2023)
32. Элькан О.Б. Репрезентация «И Цзин» в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2017. № 4. С. 181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-i-tszin-v-romane-g-gesse-igra-v-biser> (дата обращения: 07.05.2023)
33. Элькан О.Б. Роман Г. Гессе «Игра в бисер» как музыкально-литературный ребус // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 68-82. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30707369_41040170.pdf (дата обращения: 02.04.2023)
34. Якова Т.С. Массмедиа и конфликты современного мира // Медиаскоп. 2018. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2488> (дата обращения: 06.05.2023).
35. Якова Т.С. «Мирная журналистика» в противодействии терроризму // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2477> (дата обращения: 06.05.2023).
36. Baumann Günter. Hermann Hesse und Indien. 2002. URL: <https://hesse.projects.gss.ucsb.edu/papers/baumann-indien.pdf> (дата обращения: 17.04.2023)
37. Bro P. Constructive Journalism: Proponents, Precedents, and Principle Journalism. 2019. 20(4), pp. 504-519. URL: https://findresearcher.sdu.dk/ws/files/151844768/Constructive_Journalism_Proponents_precedents_and_princi

- [ples_comments_revised_January_2018_.pdf](#) (дата обращения: 07.05.2023).
38. Burns, Z. C., Caruso, E. M., Bartels, D. M. Predicting premeditation: Future behavior is seen as more intentional than past behavior // Journal of experimental psychology. General. 2012. 141(2), pp. 227-32. URL: https://www.researchgate.net/publication/51554232_Predicting_Premeditation_Future_Behavior_Is_Seen_as_More_Intentional_Than_Past_Behavior (дата обращения: 07.05.2023).
39. Chouliaraki L. The spectatorship of suffering. Sage, London-New Delhi, 2006.
40. Curry, A. L., Hammonds, K. H. The power of solutions journalism // Engaging News Project. 2014. URL: https://mediaengagement.org/wp-content/uploads/2014/06/ENP_SJN-report.pdf (дата обращения: 07.05.2023).
41. Durrani, O. Hermann Hesse's Castalia: Republic of scholars or police state? // Modern Language Review. 1982. №77, pp. 655-669. URL: <https://www.jstor.org/stable/3728073?read-now=1&seq=15> (дата обращения: 11.03.2023)
42. Ehrhart, G. Der Tod des Glasperlenspielers // In V. Michels (Ed.), Materialien zu Hermann Hesse Das Glasperlenspiel. 1974. 1st ed., pp. 121-124.
43. Galtung J., Ruge M. The Structure of Foreign News // Journal of Peace Research. 1965. Vol. 2, No. 1, pp. 64-91 URL: <https://www.jstor.org/stable/423011?readnow=1&refreqid=excelsior%3Ad85fd1c604e8489e4c9f73e7a7fc6496&seq=21> (дата обращения: 05.05.2023).

44. Galtung J. The Task of Peace Journalism // Ethical Perspectives. 2000. №7 (2). pp. 162-167 URL: <https://philpapers.org/rec/GALTTO> (дата обращения: 07.05.2023).
45. Galtung, J., Fischer D. High road, low road: Charting the course for peace journalism. New York, 2013.
46. Gyldensted C. From Mirrors to Movers: Five Elements of Positive Psychology in Constructive Journalism. 2015. URL: <https://www.worldcat.org/title/from-mirrors-to-movers-five-elements-of-positive-psychology-in-constructive-journalism/oclc/945775992> (дата обращения: 15.04.2023).
47. Hsia, A. Das esoterische Glasperlenspiel // In V. Michels (Ed.). Materialien zu Hermann Hesse Das Glasperlenspiel. 1974. 1st ed., pp. 193-204.
48. Jian Ma. Romantik in Rezensionen von Hermann Hesse // Literaturstraße. 2014. №15, vol.:15. Seite 273-281. URL: <https://docplayer.org/72047092-Romantik-in-rezensionen-von-hermann-hesse.html> (дата обращения: 07.05.2023)
49. Lynch J., McGoldrick A. Peace Journalism // Handbook of Peace and Conflict Studies. 2014. pp. 248-264. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.384.7062&rep=rep1&type=pdf#page=265> (дата обращения: 22.04.2023).
50. McIntyre K., Gyldensted C. Positive Psychology as a Theoretical Foundation for Constructive Journalism // The Journal of Media Innovations. 2018. URL: <https://journals.uio.no/TJMI/article/view/2403/5102> (дата обращения: 07.05.2023).
51. Naumann W. The Individual and Society in the Work of Hermann Hesse // Monatshefte, 1949. Vol. 41, No. 1, pp. 33-42. URL: <https://www.jstor.org/stable/30164782?>

- [readnow=1#page_scan_tab_contents](#) (дата обращения: 05.05.2023)
52. Norton, R.C. Hermann Hesse's criticism of technology. // The Germanic Review. 1968. No. 43, pp. 267-273.
53. Omoluabi P. F. Principles and processes of conflictology // African Journals Online. 2001, Vol. 9, No.3. URL:
https://www.researchgate.net/publication/272341475_Principles_and_Processes_of_Conflictology (дата обращения: 06.05.2023)
54. Pfeifer, M. Der emanzipierte Kastalier // In V. Michels (Ed.), Materialien zu Hermann Hesse Das Glasperlenspiel. 1974. 1st ed., pp. 293-307.
55. Roberts P. Education, Society, and the Individual: Reflections on the Work of Hermann Hesse // Revue de La Pensée Éducative. 2009. no. 2. pp. 93-108.
<http://www.jstor.org/stable/23765432> (дата обращения: 05.05.2023)
56. Roberts P. Technology, Utopia and Scholarly life: Ideals and Realities in the work of Hermann Hesse // Policy Futures in Education. 2009. vol.7, no.1. pp. 65-74. URL:
<https://core.ac.uk/download/35469833.pdf> (дата обращения: 07.05.2023)
57. Seoane Perez F. Prospective journalism redux: The new life of political magazines in the digital age // International Journal of Media and Cultural Politics. 2016. №12(3), pp. 357-375. URL:
https://www.researchgate.net/publication/313415039_Prospect

- [ective_journalism_redux_The_new_life_of_political_magazines_in_the_digital_age](#) (дата обращения: 07.05.2023).
58. von Fircks E. Cultural psychological implications of Hermann Hesse's Glasperlenspiel (glass bead game) // Culture & Psychology. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1354067X221132000> (дата обращения: 29.03.2023)
59. Wilde L. The Radical Appeal of Hermann Hesse's Alternative Community // Utopian Studies. 1999. Vol. 10, No. 1, pp. 86-97. URL: https://www.jstor.org/stable/20718010?readnow=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 07.05.2023)
60. Winter H. Zur Indien-Rezeption bei E.M.Forster und Hermann Hesse. Heidelberg, 1976.
61. Ziolkowski, T. Foreword. In: Hesse, H. The Glass Bead Game (Magister Ludi). New York: Henry Holt and Co. 1969. URL: <https://www.you-books.com/book/H-Hesse/The-Glass-Bead-Game> (дата обращения: 07.05.2023)